

БРАЙАН НАСЛУНД

КРОВЬ
ИЗГНАННИКА

ДРАКОНЫ ТЕРРЫ

Книга 1

Звезды новой фэнтези

Брайан Наслунд

Кровь изгнанника

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Наслунд Б.

Кровь изгнанника / Б. Наслунд — «Азбука-Аттикус»,
2019 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-20128-6

Бершад Безупречный – лучший драконьер на всей Терре. А также – «сын предателя Леона Бершада. Бывший наследник Заповедного Дола и провинции Дайновая Пуща. Бывший жених принцессы Эшлин Мальграв. Бывший полководец Воинства Ягуаров. Нрава буйного, легко ярится, в гневе жаждет крови. Изгнан за кровавое побоище в Гленлокском ущелье». Осужденный королевским правосудием биться с огнедышащими рептилиями, он до сих пор не потерпел ни одного поражения, и на его счету невероятные шестьдесят пять побед. Но однажды король Альмиры Гертцог Мальграв I повелевает Бершаду вернуться в столицу Незатопимая Гавань, куда осужденным на драконьерство доступ запрещен под страхом немедленной смерти. У Мальграва есть для Бершада особое поручение, и у принцессы Эшлин, посвятившей себя изучению драконов, – тоже... Впервые на русском – «возможно, лучший дебют в жанре темной фэнтези со времен „Ведьмака“ Сапковского» (Grimdark Magazine).

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20128-6

© Наслунд Б., 2019

© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Часть I	6
1	6
2	18
3	21
4	35
5	48
6	54
7	58
8	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Брайан Наслунд

Кровь изгнанника.

Драконы Терры. Книга 1

Отцу и матери, которые научили меня письму

Brian Naslund
BLOOD OF AN EXILE

Copyright © 2019 by Brian Naslund
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора и его литературных агентов, Liza Dawson Associates (США) при содействии агентства Александра Корженевского (Россия).

© П. Александров, перевод, 2021

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2021
Издательство АЗБУКА®

Часть I

Обо мне будут рассказывать всякие небылицы. Слушайте, наслаждайтесь и не спрашивайте, что было на самом деле. Правда вам не понравится.

Сайлас Бершад

1

Джолан

Альмира, деревня Выдрин Утес

В день драконьерства Джолан проснулся за час до рассвета и начал собирать все необходимое: два мотка кетгута, три разновидности целебного мха, кувшин кипяченой воды, два бурдюка очищенной картофельной водки, шесть лубков, ножницы, опиум, ножи и – на случай, если сегодня Бершад все-таки встретит смерть, – белую ракушку, чтобы положить покойнику в рот, и тогда его душа отыщет море.

Джолан трудился размеренно, брал с полок нужные вещи и, как полагалось, раскладывал их по бесчисленным кармашкам и отделениям большой кожаной сумы. Вдоль стен аптекарской лавки стояли два шкафа – высокие, от пола до самого потолка. На полках шкафов теснились десятки склянок со всевозможными мазями, бальзамами, заспиртованными внутренностями животных и припарками из мха. Джолан и его наставник – алхимик Морган Моллеван – старательно собирали все это в лесах и полях или выращивали требуемые растения в теплице на задах дома. В больших сосудах на самой верхней полке хранились только ядовитые красные улитки-катушки. Они в великом множестве расплодились на берегах реки, и местный барон, Креллин Нимбу, велел Моргану отыскать противоядие. Морган с Джоланом долгие годы изучали улиток, но противоядия так и не нашли.

С восходом солнца аптекарская лавка наполнялась радужным светом, потому что солнечные лучи преломлялись в стеклянных пузырьках, где хранились плоды неудачных опытов.

Джолан подставил складную лесенку к верхней полке. Там, подалее от любопытных глаз, стоял деревянный ларчик с божьим мхом, запертый на замок. Местные жители побаивались Моргана и не стали бы грабить лавку алхимика, но бродячие воры ничем не гнушались, а божий мох был весьма ценным лекарством.

Напоследок Джолан занялся костепилкой, которой требовался тщательный уход. Выложив длинное полотнище пилки на деревянный стол в центре комнаты, Джолан внимательно осматривал, правил и точил каждый зубец. Как-то раз очередной драконьер, посетивший Выдрин Утес, угодил в драконьи лапы, и гигантский ящер в клочья разодрал ногу бедняги. Мор-

гану пришлось ее отпиливать, и он так громко костерил плохо заточенный инструмент, что заглушал отчаянные вопли изувеченного неудачника. Нет, Джолан больше никогда не допустит такой ошибки.

Гордясь своей предусмотрительностью, он начал править последний зубец костепилки, но тут из спальни на втором этаже спустился Морган в сером балахоне и с целительными рукавицами за поясом. Рукавицы служили для ускоренного сращивания кровеносных сосудов и внутренних органов смертельно раненного человека. Морган пользовался ими лишь в дни драконьерства.

Такие же рукавицы носили военно-полевые лекари, но после баларского нашествия в Альмире уже тридцать лет никаких сражений не было.

– Где кофе? – нахмурился Морган, тряхнув иссиня-черной взлохмаченной шевелюрой. К немалому удивлению Джолана, алхимик, способный пять часов подряд тщательно отмерять целебные зелья при свете свечей, не мог запомнить, что по утрам следует причесываться.

Джолан уныло уставился на нерастопленный очаг у противоположной стены, будто пытаясь сотворить кофе взглядом. Варка кофе по утрам была главной обязанностью Джолана с первого дня ученичества. А вот сегодня он слишком долго провозился с костепилкой.

– Я... мне надо было выправить пилу, поэтому...

– Ладно, брось. Время поджимает. И часа не пройдет, как Бершад выйдет драконьерствовать. Бери вещи, – велел Морган и вышел из дома, оставив дверь распахнутой.

Джолан аккуратно вложил костепилку в боковой чехол сумы, пристроил на плечи широкие кожаные ремни и последовал за лекарем, горбясь под тяжестью груза. Моргана он догнал шагах в тридцати от дома.

– Почему дракона лучше убивать рано утром? – спросил Морган – в дурном настроении он любил проверять знания ученика.

– Потому что по утрам драконы вялые и неповоротливые, еще не согрелись на солнце.

– А зачем им греться на солнце?

– Драконы – крупнейшие из известных рептилий. Они холоднокровные, как и все пресмыкающиеся, так что для подвижности им требуется внешний источник тепла. Поэтому большинство драконов не набирают полной силы до девяти, а то и до десяти часов утра, и раньше этого времени летать не могут или не хотят.

– А бывают ли исключения из этого правила?

– Одно-единственное, – сказал Джолан. – По неизвестной причине призрачные мотыльки способны согревать свою кровь изнутри.

Морган выразил свое одобрение коротким кивком.

– А почему мне необходим утренний кофе?

Сообразив, куда ведут расспросы, Джолан замялся, но все-таки ответил:

– Кофейные зерна возбуждают деятельность мозга, позволяют человеку думать яснее и быстрее. Они также влияют на работу прямой кишки, создавая потребность...

– Гвардейцы и грубияны с мечами могут дурманить себе головы вином, – оборвал его Морган. – У них одна забота – как бы пробить чей-то череп. А для нас мысль – единственное оружие. – Он взглянул на Джолана. – Ум – наша защита. Затверди это накрепко.

– Да, мастер Моллеван.

Они молча шли по извилистой лесной тропе к городу, но Джолан понимал, что Морган намерен продолжить разговор. У алхимика была привычка нервно сжимать кулаки, когда он собирался сказать что-то неприятное.

– Хорошо, что ты выправил костепилку, – неохотно произнес Морган (других извинений ожидать не стоило). – Сегодня она нам наверняка пригодится, хоть драконьерствует и Бершад Безупречный.

– А он правда непобедим? – спросил Джолан.

– Насколько мне известно, слава легендарных героев весьма преувеличена. – Помолчав, алхимик добавил: – И все же Сайлас Бершад – лучший драконьер в Терре. Вряд ли рассказы о его подвигах основаны на чистых выдумках.

Слова Моргана прозвучали сухо, но было понятно, что ему, как и самому Джолану, не терпится увидеть, как драконьерствует Бершад Безупречный.

Аптекарская лавка находилась в двух лигах от Выдрины Утеса. Деревенские жители не доверяли целителям-алхимикам, их стеклянным пузырькам и тщательно отмеренным зельям, а предпочитали молиться местным глиняным божкам и, надеясь на лучшее, лунными ночами приносили в жертву коз. Тем не менее, когда боль становилась невыносимой, селяне мчались в аптекарскую лавку за лекарством.

К немалому удивлению Джолана, чесоточная сыпь и зубная боль с легкостью развеивали самые прочные религиозные убеждения.

На деревенской площади уже толпились люди – человек тридцать. Похоже, все местные крестьяне и ремесленники бросили свои занятия и пришли поглазеть, как драконьерствует Бершад Безупречный. В ожидании зрелища люди переходили с места на место, переговаривались, и в холодном утреннем воздухе изо ртов вырывались облачка пара. Бершад Безупречный пока не появлялся.

– Как я погляжу, не только мы припозднились, – сказал Морган. – Наверняка он еще не проспался. Небось вчера напился вусмерть, как и всякий драконьер перед схваткой. Сходи-ка проверь.

Джолан кивнул и пошел к постоялому двору. Для этого пришлось перебираться через мелкую речушку, прилагая все усилия, чтобы не повредить глиняных истуканов, усеивавших берег. Все обитатели Терры знали о странной привычке альмирцев лепить из глины изображения местных богов. Джолан обошел одно изваяние – человеческая фигурка в локоть высотой, покрытая зеленой рыбьей чешуей. Вместо носа у божка красовался вороний клюв, а из головы торчали черные перья. Чуть поодаль стоял еще один истукан, с речной галькой на месте глаз, облепленный ивовой корой, утыканный звериными костями и с выдриным хвостом позади.

У каждого жителя Альмиры был особый тотемный кошель, где хранилась всякая всячина, якобы обладающая волшебной силой, – палочки, листья, камешки, обрывки звериных шкур и прочее. Любой альмирец мог наскоро соорудить нужную фигурку, чтобы вымолить у божества хороший урожай, безопасный переход через бурную реку или здоровье новорожденному младенцу.

Перед битвой у каждого солдатского шатра стоял глиняный болванчик с куском стали.

Джолан утратил веру в могущество богов через неделю после того, как стал учеником Моргана. Алхимик так уверенно смешивал целительные снадобья из корешков, трав и мхов, а потом добавлял к ним всяческие зелья, усиливающие лекарственное воздействие, что всецело полагаться на глиняных истуканов было глупо.

Однако же Джолан до сих пор лепил божков, украдкой от Моргана, – так, на всякий случай. От привычки трудно отказаться.

Глиняные фигурки вот уже много месяцев усеивали речной берег у деревни. Божков было великое множество, потому что в верховьях реки свирепствовала странная хворь. Местных жителей мучили язвы, судорожные припадки и кошмарные сновидения. Зараза постепенно распространялась вниз по течению и поражала деревни одну за другой. Обитатели Выдрины Утеса винили в этом лесных демонов, поэтому для защиты каждый день лепили все новых и новых болванчиков, надеясь, что боги смилостивятся и не позволят злобным духам выбраться из воды на берег.

Джолан знал, в чем дело. Причиной хвори были ядовитые красные улитки, расплодившиеся в верховьях реки. Морган искал от них противоядие. Однако человека, который дважды

в день бьется в судорогах, а ночью страдает от кошмаров, невозможно убедить, что в его мучениях повинны какие-то улитки, а не демоны.

Так что пусть себе лепят своих глиняных болванчиков. Моргану нужно было как можно быстрее найти противоядие. По подсчетам Джолана, времени почти не оставалось – к концу лета хворь доберется до Выдрина Утеса.

Джолан вошел на постоялый двор. Там никого не было. Трактирщик за стойкой возился с бочонком вина. Именно для этого унылого и чахлого уроженца Выдрина Утеса три недели назад Джолану пришлось готовить особое мыло, чтобы избавить бедолагу от лобковых вшей. Разумеется, в альмирском захолустье страдали не только от демонической чесотки и судорог.

– А где драконьер? – спросил Джолан.

Не оборачиваясь и не прекращая возни с бочонком, трактирщик мотнул головой влево. Джолан взгляделся в дальний конец трактира. Там, за столом, крепко спал какой-то тип, уронив голову на вытянутые руки.

– Он, что ли? – уточнил Джолан.

– Он самый, – ответил трактирщик. – Всю ночь бухал, а час назад отрубился.

Джолан подошел к столу. Хотя спящий сгорбился над столешницей, ясно было, что он высокого роста. В остальном он напоминал бродягу-попрошайку, а не легендарного драконьера. Лицо закрывала темная копна спутанных волос, заплетенных в сальные косички, унизанные серебряными кольцами. Черная шерстяная рубаша и штаны были штопаны-перештопаны и усыпаны заплатками. Джолан хотел встряхнуть его за плечо, но тут драконьер спросил, чуть шевельнув губами:

– Который час?

– Уж с полчаса, как рассвело. – Джолан изумленно разглядывал пьянчугу, не веря, что это и есть Бершад Безупречный – знаменитейший драконьер Терры.

Странный тип медленно согнул руку в локте и, опершись на столешницу, поднялся из-за стола. Осоловелые зеленые глаза налились кровью. Колечки в косах, вдавившиеся в кожу за время сна, оставили на лбу и щеках крохотные вмятины. Грубые черты смуглого лица ничем не напоминали идеализированный образ отважного победителя драконов, восславляемый в поэмах и балладах. На вид драконьеру было где-то между тридцатью и сорока, точнее не скажешь. Ясно было, что жилось ему не сладко.

Однако же синие татуировки на щеках ни с чем не спутаешь.

Приговоренных к драконьерству метили одним и тем же клеймом – на обеих щеках татуировали по синему прямоугольнику. Тех, кто пытался уклониться от исполнения долга, проводил ночь в настоящей кровати или был замечен в дне пути от Незатопимой Гавани, столицы Альмиры, ждала смертная казнь. В разных краях Терры были свои обычаи, но драконьеров повсюду объявляли изгоями и лишали всех удобств привычной жизни.

– Ты – Бершад Безупречный? – недоверчиво осведомился Джолан.

– Я – Бершад Хмельной и Запоздалый, – буркнул тот. – Где Роуэн?

– А кто это?

– Тот, кто меня обычно будит. Он, а не какая-то приبلудная мелюзга. – Бершад распрямылся в полный рост, рыгнул, качнулся, едва не плюхнувшись на лавку, но каким-то чудом все же двинулся к двери.

Как только Бершад вышел из трактира, в толпе раздались приветственные крики. Драконьер окинул собравшихся равнодушным взглядом, а потом заметил под серым безлистным деревом человека, который пристраивал два длинных копия к ослиному боку.

– Эй, Роуэн! – гаркнул Бершад. – Ты что, вздумал порешить долбаного дракона в одиночку, лишь бы меня не будить?

Роуэн, не торопясь, потуже закрепил копия и ласково потрепал осла по морде. Сам Роуэн был приземист и коренаст, в волосах и в косматой бороде сквозила проседь, но руки у него

были длинные и жилистые, с толстыми запястьями и огромными ладонями; на костяшках пальцев чернели волоски. Люди с таким телосложением становятся либо хорошими земледельцами, либо отличными бойцами, это уж как жизнь повернется.

Глядя, как Роуэн готовит снаряжение драконьера, Джолан сообразил, что перед ним – так называемый «треклятый щит», оруженосец Бершада Безупречного. Каждому драконьеру давали в услужение человека из низов, который помогал выслеживать и убивать драконов. Если дракон убивал драконьера, то оруженосца тоже предавали смерти. Треклятыми щитами обычно становились преступники или те, кому было нечего терять. Джолану стало любопытно, как Роуэн попал в оруженосцы.

Роуэн обернулся к Бершаду:

– Нет, я хотел, чтобы ты проспался после вчерашнего загула. Ну как, очухался? У меня все готово. – Он махнул рукой на восток: там, среди холмов, три недели назад обосновался дракон.

Бершад шмыгнул носом, сплюнул и зашагал по тропе на восток. Роуэн повел осла следом. Мастер Морган направился за ними, и Джолан припустил вдогонку. Деревенские поначалу растерялись, но затем шумною толпой двинулись в том же направлении, не желая пропустить увлекательное зрелище.

Разумеется, если Бершаду удастся победить дракона, то жителям деревни достанется знатная пожива.

К поясу Бершада был приторочен длинный кинжал странного вида: расширенный конец клинка загибался внутрь, а рукоять походила на корявое корневище, оплетенное полосками акульей кожи так, что, несмотря на необычную форму, держать его было удобно.

– Это клинок из драконьего клыка? – спросил Джолан у Моргана.

– Да.

– Интересно, он его сам сработал? – не унимался Джолан. – Говорят, их очень сложно переплавлять, вроде бы потому, что кальций легко размягчается, а мало кто умеет подобрать нужную температуру. Вдобавок...

– Подумай-ка лучше о живом драконе, а не о клыках мертвого, – напомнил ему Морган. Джолан умолк, сообразив, что Морган не желает продолжать разговор.

– Как тебя зовут, алхимик? – немного погодя спросил Бершад.

– Морган Моллеван, из Паргоса.

– Ишь как тебя далеко от дома занесло, – хмыкнул Бершад.

– Нас всех далеко от дома занесло, барон.

Моргану было вовсе не обязательно, точнее, и вовсе не следовало именовать Бершада этим титулом – драконьеров лишали всех званий и отличий, но целитель часто поступал не так, как следовало, а Джолан никогда не мог понять почему.

– Скажи-ка мне, Морган Моллеван из Паргоса, – продолжил Бершад, – известны ли тебе случаи, когда изувеченный человек делал бы что-нибудь невероятное?

– Невероятное? – переспросил Морган, рассеянно приглаживая встрепанные космы. – Однажды я ампутировал ноги прокаженному, чтобы спасти ему жизнь, а спустя час он бегал на руках, да так ловко, будто родился безногим. Он с удивительной быстротой привык к потере конечностей, наверное, потому, что нервные окончания в ногах уже отмира...

– Нет-нет, – прервал его Бершад. – Я имею в виду нечто такое, что невозможно объяснить. Например, чудесное исцеление от смертельной раны?

– Лекари во многом полагаются на счастливый случай, – сказал Морган. – Бывает, что людям везет, но вот с воистину чудесным исцелением я еще не сталкивался. Насколько мне известно, всему можно найти объяснение.

– Понятно.

– А почему ты спрашиваешь?

Бершад сплюнул в папоротники с правой стороны тропы и попросил:

– Лучше расскажи про дракона.

Походка драконьера изменилась, стала уверенной и четкой. Мутные, налитые кровью глаза прояснились. Даже не верилось, что еще четверть часа назад он в пьяном забытии спал на столе.

Обычно похмелье так быстро не проходит.

– Это шипогорлый верден. Самец. Молодой, но крупный, вполне зрелый. Объявился в прошлое полнолуние погреться на скальных плитах предгорья. Как начинается Великий перелет, здесь по весне всякий раз останавливаются один-два дракона, а потом улетают дальше на восток. Злобные твари.

– Они просто стараются выжить, как и мы. Набить брюхо, согреться. Для драконов мы – злобные твари с вилами и копьями.

Морган удивленно изогнул бровь:

– Вот уж не думал, что ты у нас философ.

– Я полон неожиданностей, – заявил Бершад, почесывая бороду. – Через месяц ваш верден отсюда уберется.

– Верно, – кивнул Морган. – Вот только каждый день он травит стада, того и гляди доберется до деревни. Выдрину Утесу и без драконов хватает бед, а коль скоро в наши края забрел драконьер, то...

– Я не виню тебя за призыв о помощи, – сказал Бершад. – И не отказываюсь от битвы. Просто напоминаю, что дракон вскорости улетит. Так что если он со мной расправится, дальнейшей помощи можно не просить. А что еще тебе о нем известно?

– Местный свекловод, видевший дракона вблизи, рассказывал, что ящер одноглазый. На месте второго глаза – шрам.

– Что, его уже кто-то пытался сбороить?

– Видно, кто-то пробовал, да промахнулся. Но глаза лишил.

– Зато он сразу поймет, что я задумал, – вздохнул Бершад.

– Шипогорлые вердены не отличаются умом и сообразительностью. Может, он уже не помнит, что случилось.

Бершад хмыкнул, задумался, но ничего не сказал.

Они шли уже почти час – Бершад, Роуэн, осел, мастер Морган, Джолан и шумная толпа крестьян, разительно отличавшихся от предусмотрительных, осторожных охотников.

Кто из жителей деревни требовал ускорить шаг, кто – замедлить ход, кто опасался приближаться к логовищу дракона, однако же никто не выказывал намерения поворачивать назад.

Выйдя из леса, Бершад остановился, окинув взором широкое поле жухлой пшеницы, уходящее к скальным плитам предгорья Зеленый Клык. По обоим краям поля высились дубы и сосны с замшелыми стволами, земля поросла густым кустарником.

– Тут, что ли? – спросил Бершад.

– Дракон устроил логовище в дальнем конце поля, – пояснил мастер Морган. – Прорыл лаз на стыке двух скальных плит, там и ночует, а днем рыщет по окрестностям. На этом поле еще недавно паслись сотни овец.

– Да, фиг к нему подберешься, – пробормотал Роуэн.

– Точно, – кивнул Бершад. – Давай готовься.

Роуэн освободил осла от навьюченной на него ноши, опустил на землю дубовый сундук, открыл его и начал извлекать оттуда части доспехов, передавая их Бершаду. Драконьер сам затягивал ремни и застегивал пряжки. Оба так четко и споро справлялись с работой, не делая лишних движений и не тратя слов, что было ясно – они проделывали это сотни раз. Бершад надел длинную черную кольчугу, легкий чешуйчатый нагрудник цвета лесного мха, поножи, перчатки, наплечья со шшитыми в них тонкими полосами стали и небольшой латный нашейник.

В поэмах и балладах начищенные латы воина всегда ярко блестели, а само облачение в доспех представлялось священным ритуалом, исполненным достоинства и чести. Воины защищали Альмиру; бароны или даже сам король велели этим отлично обученным конным бойцам защищать державу мечом. Простой люд считал воинов героями и светочами доблести и славы, а альмирская знать набирала их в личную гвардию, чтобы удерживать власть в своих владениях.

Но Бершад Безупречный не был ни воином, ни бароном. Его лишили этих званий. Теперь он облачался в доспех с вымученным тщанием старухи, доящей корову.

Роуэн, встав за спину Бершада, потуже затянул пару ремней.

– Что толку от этого легкого доспеха в битве с драконом? – шепнул Джолан Моргану, разглядывая тонкий нагрудник и кольчугу.

– Верно, от него не будет толку, – признал целитель. – Вот только полная броня все равно не защитит от драконьих клыков и когтей, а вдобавок она гораздо тяжелее.

Джолан понимающе кивнул, но подумал, что, если бы ему пришлось сражаться с драконом, он предпочел бы делать это в полной броне.

Последней частью облачения была маска. В бою альмирские воины всегда закрывали лицо маской из дерева и кожи, изображавшей какое-нибудь божество. Драконьеров лишали земельных владений и всего имущества, но Бершаду позволили сохранить его маску – угольно-черную оскаленную морду ягуара с окровавленными клыками.

Воины обычно предпочитали звериные маски, особенно в бою, где трудно отличить союзников от врагов, но Джолан видел и другие – свирепые фантастические лики, сделанные из гнутых костей и узловатой древесины. Безымянные альмирские боги не подчинялись никаким правилам.

Маска крепилась к черному полушлему, прикрывавшему голову. Бершад закрыл лицо маской, поправил шлем. В широких прорезях шлема по-кошачьи светились бледно-зеленые глаза драконьера. От вида маски Джолана замутило, совсем как однажды поздней ночью, когда он возвращался в аптекарскую лавку и, услышав странный шорох в кустах, долго убеждал себя, что это лиса, а не какой-нибудь воображаемый лесной демон.

Роуэн снял с осла два копыта с ясеневыми древками и протянул их Бершаду, который удовлетворенно взвесил их на руке. Потом из седельной сумы оруженосец достал военный рог из слоновьего бивня. Рог был размером с грудную клетку ребенка, с пеньковой веревкой, закрепленной на двух крючках. Роуэн проверил, нет ли трещин на восковой насадке мундштука, и швырнул рог Бершаду. Драконьер повесил рог на плечо.

Джолан присутствовал всего при трех драконьерских боях, причем дракон всегда оставался победителем. Каждый драконьер приступал к делу чуть иначе, но рогом пользовались все. Звук рога из слоновьего бивня вызывал зуд в ушах драконов почти всех пород и выманивал их из логовища в превеликом раздражении. Первый драконьерский бой Джолан видел десятилетним мальчуганом. Драконьеру выпала эта участь за набег на деревню во владениях тогдашнего королевского любимца, – впрочем, подобные поступки и без того обеспечивали синие прямоугольники на щеках. Бедолага облачился в латную броню, сел на осла и затрусил кругами, трубя в рог, будто созывая на помощь своих бывших соратников.

Однако же незадачливый драконьер замешкался. Дракон выцепил его из седла, взлетел на тысячу локтей в небо и швырнул обидчика на скалы, расколов его, как чайка устрицу.

– А почему бы драконьеру не залезть в драконье логовище ночью? – спросил Джолан Моргана, когда они несли труп в аптекарскую лавку, где целитель собирался изучить и взвесить внутренние органы несчастного; Морган проделывал это регулярно, и его заметки о печени занимали почти двести страниц.

– Таких смельчаков хватает, – ответил Морган. – Но драконы устраивают хитроумные логовища – настоящие лабиринты с тупиками и ложными проходами. Приходится полночи искать, где именно спит дракон, а потом оказывается, что он уже не спит, потому что эти твари

всегда чувствуют непрошенных гостей. Так что ночная вылазка в логовище дракона так же смертельна, как попытка забраться в его брюхо. Вдобавок гораздо приятнее расставаться с жизнью не в темном подземелье, а на свежем воздухе, при свете дня.

Бершад шагнул на поле, пристально вглядываясь под ноги, и пару раз пнул землю носком сапога, расшвыривая мягкие комья чернозема.

– Камень дать? – спросил Роуэн.

– А то.

Роуэн кивнул и извлек из седельной сумы белый булыжник размером с кулак. Несмотря на небольшую величину камня, все мышцы на руке оруженосца напряглись. Странный булыжник был зачем-то просверлен насквозь. Роуэн передал его Бершаду. Драконьер с видимым усилием сжал камень.

– Ты уж постарайся уцелеть, – шутливо напутствовал Роуэн.

Бершад хмыкнул и повернулся к Моргану:

– Даже ради спасения моей жизни не смей от меня ничего отрубать. Если дело худо, дай мне опиума и позволь умереть с улыбкой на лице. И с видом на чьи-нибудь сиськи.

Драконьер вытащил из-под нагрудника сине-желтую ракушку, потерял ее и снова спрятал у сердца, а потом решительно зашагал к логовищу дракона.

Несмотря на то что Бершад облачился в доспехи, нес в одной руке два копья, а в другой – тяжелый камень, а вдобавок всю ночь пьянствовал, двигался он легко и быстро. Шагах в сорока от логовища он остановился, вонзил копья в землю и начал расхаживать туда-сюда, глядя под ноги, будто что-то искал. Минуты через две он опустил странный булыжник на выбранное место и осторожно подтолкнул его сапогом.

Потом вернулся к копьям, выдернул одно, сдвинул с лица маску и поднес рог к губам.

Бершад протрубил лишь один раз, но протяжно – сначала тихо, а потом все громче и громче. Звук рога раздавался на одной ноте долго, словно бы несколько минут, до тех пор, пока откуда-то из-за гор не донесся пронзительный визг. Бершад отбросил рог в сторону, закрыл лицо маской и взял копьё наизготовку. Дракон проснулся.

В ясное утреннее небо взмыл фонтан щебня и мелких камней. Жители деревни дружно ахнули. Камни градом сыпались вокруг Бершада, но он даже не моргнул, просто стоял среди поля, будто пугало в латах. Все на миг стихло, а потом к небу поднялся еще один камнепад.

А вместе с камнями к полю стрелой вылетел и зеленый дракон, круша хвостом утесы. Даже со сложенными крыльями ящер был размером с большую телегу. Затаившись за огромным валуном на краю поля, он настороженно разглядывал Бершада. Единственный пламенеющий глаз дракона был хорошо виден даже на расстоянии. Алые шипы, утыкивающие драконье горло, подрагивали от ярости.

Бершад воткнул древко копья в просверленный булыжник и нацелил острие в небо.

Все сказания о Бершаде Безупречном утверждали одно: драконьер сражался, будто демон, а ящер трусливо уворачивался. Говорили, что Бершад убивал драконов одним броском копья, а потом с торжествующим смехом мочился на их трупы.

На самом деле все происходило иначе.

Джолан не успел моргнуть, как дракон стремительно взвился в небо – откуда только силы взялись в такую рань. Бершад присел на корточки, обеими руками обхватив древко копья. Дракон метнулся к противнику, вытянув когти и разинув громадную пасть с острыми черными клыками.

В последний миг Бершад отскочил, а дракон врезался мордой в землю, вздымая тучи соломы и чернозема. Копье куда-то исчезло, но ящер забился в судорогах, свирепо молотя хвостом по земле.

Бершад медленно поднялся, а затем стремглав понесся прочь через поле, отчаянно работая руками и срывая маску на бегу.

Джолан ожидал, что лицо драконьера исказится испуганной гримасой, как у тех, кому мастер Морган собирался отрезать руку или ногу. Однако же лицо Бершада сияло дикой радостью. Джолан в жизни не видел ничего подобного.

Радость оказалась быстротечной.

Дракон завертелся кругом и, махнув хвостом, как плетью, задел левую ногу Бершада. Удар подбросил драконьера в воздух и закружил, будто монетку. Бершад пролетел шагов пятнадцать, рухнул на землю и больше не двигался. Дракон лизнул поле и принялся.

Джолан взгляделся в дракона: из единственного глаза ящера торчало древко копья с надетым на него белым булыжником, глубоко вонзившееся в глазницу.

– Не может быть... – прошептал Джолан.

– Много чего не может быть до тех пор, пока кто-то этого не сделает, – сказал Морган.

По морде и по шее дракона стекала густая оранжевая жижа. Ящер, ставший каким-то жалким, неуверенно отступил к логовищу, несколько раз споткнулся, а потом повалился наземь. И замер. На миг на поле воцарилась жуткая, призрачная тишина, а потом из чаши на севере донеслись веселые птичьи трели.

– Джолан! – гаркнул Морган. – Пойдем.

Страхнув оцепенение, Джолан двинулся в поле вслед за целителем. Морган шел не торопясь – не хотел, чтобы учащенное сердцебиение стало помехой срочному хирургическому вмешательству, но Джолан бегом преодолел последние несколько шагов, чтобы разложить на траве ножи. Бершад лежал в беспомощности, лишь под чешуйчатым доспехом мерно вздымалась и опадала грудь.

Жив.

– Левое бедро и ребра, – сказал Джолан, когда Морган присел на корточки рядом с ним.

Целитель схватил скальпель, быстро перерезал четыре ремня на доспехе Бершада, снял нагрудник и приподнял кольчужное полотно.

– Что видишь? – спросил он Джолана.

Джолан осмотрел рану – бедро и ребра драконьера опухли, на животе виднелись неглубокие порезы – там, где нагрудник вдавил кольчугу в кожу. На бедре зияла круглая рана – тонкий шип драконьего хвоста пронзил кольчугу, но, по счастью, не задел кости и артерии.

– Жить будет. Несколько сломанных ребер, хотя в целом грудная клетка не повреждена. Рана на бедре глубокая, но не опасная. Отделается хромотой.

Морган кивнул:

– Значит, тебе надо все обеззаразить, наложить швы и перебинтовать. А я осмотрю дракона, пока крестьяне до него не добрались.

Джолан приготовил целебную мазь для раны на бедре Бершада, смешав в стеклянном флаконе несколько разных трав и щепотку божьего мха, добытого Морганом из заброшенного драконьего логовища в Дайновой пуше. Божий мох обладал превосходными целительными свойствами, но считался весьма дорогостоящим снадобьем, и Морган наверняка строго распек бы Джолана, поскольку в котомке лекаря хранились как минимум три обеззараживающих средства подешевле. Однако же Джолан решил, что лучший драконьер Терры заслуживает наилучшего обращения. Он добавил во флакон немного дистиллированной воды и размешал, превращая смесь в мазь, а потом плеснул на рану Бершада картофельной водки из бурдюка.

Драконьер поморщился, но не очнулся.

Джолан отставил бурдюк в сторону, нанес мазь на рану и начал вдевать кетгут в игольное ушко. Поднеся иглу к коже, он замер от неожиданности: рана затягивалась на глазах, словно какой-то невидимый ученик лекаря сидел напротив и сшивал ее края.

– Не может быть... – снова пробормотал Джолан. Он не раз видел, как Морган пользовался божьим мхом для лечения ран, но ничего подобного никогда не происходило.

– Осторожнее, малец, – пробормотал Бершад, приходя в себя. В его глазах блеснул странный огонек. – Излишняя наблюдательность опасна для здоровья. – Он вытер мазь с раны, протянул руку, схватил ивовый лубок и обернул вокруг бедра.

Джолан хотел было расспросить Бершада, в чем дело, но краем глаза заметил какое-то движение. Левый коготь дракона чуть подрагивал. Тем временем Морган сосредоточенно рассматривал складки кожистых крыльев шипогорлого вердена. Когда дракон задвигался, целитель чертыхнулся и отступил на несколько шагов, удивленно и сердито, будто ни с того ни с сего взбрыкнула его любимая лошадь.

Одним взмахом когтя дракон снес Моргану голову.

Кровь хлынула струей, обезглавленное тело подергивалось. Приподнявшись на задних лапах, дракон взревел. За спиной Джолана послышались сдавленные крики, а потом истошные вопли: деревенские смельчаки стремглав удирали с поля. Поначалу Джолан оцепенел, а потом бросился между Бершадом и драконом.

Он лихорадочно рылся в карманах, пытаясь отыскать ракушку, чтобы сунуть ее в рот, но так и не нашел.

Земля загудела от удара, когда дракон припал на передние лапы, а потом неуверенно двинулся к Джолану. Оранжевая кровь все еще сочилась из-под копыя, застрявшего в глазнице. Дракон принюхался – раз, другой, раздувая влажные ноздри.

Джолан был образованным человеком. Он не верил ни в богов, ни в демонов и не придавал особого значения гигантским ящерам, водившимся в Терре. Они были всего-навсего животными – дикими, опасными и необычайно сильными. Однако же в этот миг ему почудилось, что дракон пытается поведать ему какую-то тайну.

Мимо левого уха Джолана просвистело копьё и с такой силой вонзилось в дракона, что пробило череп насквозь. Из дыры в драконьем затылке вылетела струя крови и осколки костей. Драконья шея запрокинулась от удара, а сам ящер обмяк и издох у ног Джолана. Обернувшись, Джолан увидел, что Бершад на ногах – покачивается, но стоит.

– Не может быть... – в третий раз пробормотал Джолан, потому что обычный человек не способен на такой подвиг.

– Помнишь, что я тебе говорил про наблюдательность? – прохрипел Бершад, блеваянул и повалился наземь.

Джолан долго искал голову Моргана в бороздах пшеничного поля и в купах деревьев на краю, отчаянно сдерживая слезы в присутствии Роуэна и Бершада Безупречного. Хоть драконья нья и лежал без сознания, плакать в присутствии легендарного героя не хотелось.

Деревенские жители мало-помалу выходили из убежищ. Никто не видел, как именно Бершад справился с шипогорлым верденом, поэтому они принялись обсуждать не нечеловеческую силу драконьяра, а как поделить драконью тушу между собой.

По неизвестной причине клыки, шкура, внутренние органы и кости дракона, как правило, сгнивали за несколько дней, а иногда и за несколько часов, так что пользы от них почти не было. Поэтому Бершадов кинжал из драконьего клыка был такой редкостью – готовый клинок обычно превращался в размякшую заплесневелую палочку. А вот мешочек жира у основания каждой драконьей чешуйки легко становился добычей любого дурака. Жир перетапливали, получая из него так называемое драконье масло, которое горело в десять раз дольше, чем любой другой животный жир.

В Альмире барону – повелителю местных владений полагалось три четверти драконьей туши, а остальное разбирали те, кто был похрабрее и озаботился захватить с собой нож. Джолан заметил, что деревенские старательно отмеряют долю барона Нимбу, который недавно построил замок в десяти днях пути от Выдрина Утеса и наверняка пришлет посыльных за дра-

конным жиром. Судя по величине шипогорлого вердена, это на два или на три года освободит жителей Выдрины Утеса от дани.

Пока крестьяне делили тушу, Джолан продолжал искать голову Моргана. И куда она только подевалась? Двадцатиминутные поиски ни к чему не привели. Тем временем Роуэн соорудил носилки из гибких стволов молодых деревьев, связав их кожаными ремнями и дерюжными лоскутами. Но если не найти голову Моргана, то Джолан не сможет вложить ему в рот ракушку. А без ракушки душа Моргана будет вечно бродить по округе, искать дорогу к Морю Душ. От Выдрины Утеса до моря далеко, душа Моргана наверняка заблудится.

Роуэн уложил Бершада на носилки и привязал их к упряжи осла.

– Хватит уже, малец, – сказал оруженосец, но, видя, что Джолан продолжает свое занятие, добавил: – Может, он сам найдет дорогу к морю.

– А если не найдет? – дрожащим голосом спросил Джолан, с трудом сдерживая слезы.

Роуэн заморгал, а потом коснулся плеча Джолана:

– Жизнь полна горя, малец, а тебе горевать рановато. Не спеши.

Он легонько тряхнул уздечкой и повел осла в деревню.

Джолан плелся в самом конце унылой процессии – Роуэн, осел, обезглавленное тело мастера Моргана и Бершад в беспамятстве – и хмуро обдумывал положение дел.

Срок ученичества Джолана истек через несколько месяцев, после чего он стал бы подмастерьем Моргана, а значит, получал бы право преемственности на договор с бароном Нимбу. Оставаясь учеником, Джолан обладал теми же правами, что и ножи в его суме или флаконы на полках в аптеке.

То есть никаких прав у него не было.

Если бы барон заплатил гильдии алхимиков, то они прислали бы кого-нибудь взамен Моргана, но Нимбу платить не собирался. За пять лет работы Морган так и не обнаружил действенного средства против красных улиток. Вдобавок барон подозрительно относился к целителю, поскольку больше верил в глиняных истуканов, а не в пузырьки со странными зельями. Морган так и не успел разузнать, почему Нимбу его нанял.

Так что, скорее всего, барон отменит договор с алхимиками, выгодно продаст содержимое аптекарской лавки и выгонит Джолана из своих владений. Противиться этому бесполезно.

Несмотря на все свои знания и опыт, Джолан был совершенно беспомощен. А в довершение всех бед он потерял ларчик с божьим мхом.

Невеселые размышления Джолана прервал всадник на боевом скакуне, преградивший им дорогу. Воин был облачен в легкий серебряный доспех и пурпурную накидку альмирских стражей. Стражи были частью гвардии Мальграва и не подчинялись никому из военачальников, кроме самого короля. Эти отчаянные смельчаки служили разведчиками, посыльными и конными лучниками, но их главной задачей было следить за альмирскими драконьерами и безжалостно расправляться с теми, кто отлынивал от своих обязанностей.

– Это Бершад Безупречный? – осведомился страж.

– Фиг его знает, – ответил Роуэн. – А ты что за хрен?

– Зим, – невозмутимо заявил страж, будто этого было достаточно, и небрежно потянулся к рукояти меча. – Отвечай.

– Бершад это, Бершад, – сказал Роуэн, выпустив уздечку осла, и шагнул вперед.

– Он умер?

– Нет, задремал. Умаялся драконьерствовать, – хмуро пояснил Роуэн.

Прищурившись, Зим поглядел на Бершада:

– Не очень-то похож на прославленного героя.

– Много ты понимаешь! – Роуэн сплюнул и, угрюмо уставившись на стража, тоже сдвинул руку к мечу – старому, обшарпанному, с ягуаром на рукояти с кожаной оплеткой, заскорузлой от грязи и пота.

Зим смерил оруженосца взглядом, что-то решил для себя и расслабился.

– Я этого мерзавца вот уж две недели ищу. – Страж швырнул к ногам Роуэна небольшой свиток. – Когда Бершад Безупречный проспится, пусть прочитает.

– А что там? – недоуменно осведомился Роуэн.

– Я – гонец, а не глашатай.

– Ты – чирей на ослином заду.

– Попридержи язык, мразь, пока не отрезали. Вместе с головой.

– Ладно, чего там зря болтать. Вали отсюда, куда шел. Вот встретимся в глуши, там и разберемся.

Зим что-то прошипел, пришпорил коня и ускакал. Джолан долго смотрел ему вслед, а потом повернулся к Роуэну, который уже читал свиток.

– Что там? – спросил Джолан.

– Вот, возьми и посмотри. Не каждому выпадает честь получить письмо от самого короля. Джолан взял свиток.

Изгнанник!

Ты должен немедленно явиться в столицу. В каком бы дерьмовом сарае ты ни заночевал, просытайся. За каким бы драконом ни гонялся, прекращай немедленно. Твоя ссылка отменяется. На время. Возвращайся в Незатопимую Гавань.

Герцог Мальграв I, король Альмиры

Чуть ниже подписи красовалась королевская печать с изображением орла, распростершего крылья на вершине величественной сосны.

– А что понадобилось королю? – спросил Джолан.

– Что бы там ни было, хуже не будет, – пробормотал Роуэн, снова взялся за носилки и зашагал к деревне.

2

Гаррет

Альмира, к северу от Марлинова Мыса

Под покровом ночи и тумана Гаррет спрыгнул за борт китобойного судна в лиге от альмирского берега и поплыл, подгоняемый приливом. До суши он добрался на рассвете, зачерпнул мокрыми ладонями альмирский песок и ушел подальше от воды. Во рту першило от соли.

К поясу Гаррет прикрепил непромокаемую котомку из козьей шкуры, в которой надежно хранилось все необходимое: простой, но добротный сработанный охотничий нож, пара сапог, компас, кожаная накидка, шесть ярдов пеньковой веревки, курительная трубка, пустая фляжка, восковая гримировочная замазка, клей и два кремня. Шагах в ста от берега Гаррет достал вещи из котомки и разложил на жесткой прибрежной траве, проверяя, не потерялось ли чего.

Вдали виднелись очертания деревни: сторожевые башни, чтобы не пропустить приближения драконов с моря, и некое подобие ограды из пла́вника. Наверное, это и был Марлинов Мыс. Судя по всему, Гаррет попал именно туда, куда и требовалось, а главное – вовремя. Вообще-то, занятия Гаррета отличались непредсказуемостью. Сложности возникали всегда.

Небо посерело, близился рассвет. Перед долгой дорогой Гаррет решил полюбоваться восходом солнца, наслаждаясь тишиной и покоем. Прежде он бывал только в альмирской столице, Незатопимой Гавани, а в эти края не забредал, но, готовясь выполнить задание, изучил десятки карт местности. Сейчас он находился на северо-восточной оконечности Атласского побережья, среди полей и холмов. Обитатели местных деревушек поклонялись каким-то безымянным богам и жили в страхе перед ночными демонами. Незатопимая Гавань, крупнейший порт страны, находилась в южной оконечности побережья, там, где две великие альмирские реки – Атлас и Горгона – впадали в Море Душ. К югу от Незатопимой Гавани простиралась Дайновая пуща – дикие джунгли, где кишели драконы и ягуары. Единственный город в джунглях, Заповедный Дол, издавна принадлежал Бершадам, но альмирский король извел их род. Теперь этими землями владел барон Греалор.

Сам Гаррет направлялся на запад вдоль побережья; ему предстояло пересечь Атлас и попасть в долину Горгоны. Он в последний раз взглянул на море, собрал пожитки в котомку и ушел, отвернувшись от восходящего солнца.

Спустя два дня Гаррет добрался до моста через Атлас. Хотя река не отличалась шириной – берега отстояли друг от друга всего шагов на сто, – переправы были редки, потому что русло было глубоким, а течение бурным. Воды с такой яростью изливались с гор, что не успокаивались, пока не достигали моря. Течение с легкостью сбивало с ног и человека, и упряжку волов. Даже у берега утонуть было проще простого.

У любой переправы через Атлас скапливалось множество торговцев и торговых караванов, что было Гаррету на руку. В толпе легко затеряться, и одинокого путника не запомнят. Он прибил к трапперам, которые как раз переходили через мост, оживленно обсуждая цены на пушнину и лучшие уголья для ловли зверя.

– В Студеном Водопаде за бобровую шкурку дают серебряник, – с гордой ухмылкой заявил один.

– Да ну, там всегда за бобра переплачивают, – отмахнулся другой, пьяно пошатываясь в седле мула. – Для них бобровая шапка будто королевская корона.

– А дороги там как?

– Туда добрался споро, а вот возвращаться было хреново – все тропы размыло, пришлось плестись в обход.

Альмирские дороги всегда были ненадежны, поэтому Гаррет на всякий случай добавил лишние дни к срокам своего путешествия.

Он вслушивался в голоса трапперов, запоминал звуки и ритм произношения. В последний раз он прикидывался альмирцем лет пять назад и многое подзабыл.

Сразу за мостом располагалась фактория. Вдоль раскисшей слякотной тропы стояли лавки с припасами, из дверей выходили покупатели с мешками солонины и овощей. Гаррет зашел в первый попавшийся трактир, где было всего два посетителя. Один пьяно обмяк на стуле, а другой слепил фигурку божества прямо на барной стойке и, высунув язык от усердия, осторожно напяливал на голову болванчика корону из сосновых игл.

Альмирцы славились не только отвратительными дорогами, но и безудержной любовью к лепке глиняных истуканов, якобы изображавших их неведомых богов.

Гаррет сел за стойку и подозвал трактирщика.

– Чего тебе? – промямлил трактирщик, будто набрал полный рот глины.

– Медовухи, и послаще, – ответил Гаррет по-альмирски, выговаривая слова не совсем так, как трапперы, но здесь, в захолустье, к произношению особо не прислушивались.

Трактирщик наполнил замызганную кружку золотистой медовухой и подтолкнул к Гаррету. На поверхности жидкости плавали черничные шкурки и кусочек сот размером с желудь. Гаррет пригубил напиток. Медовуха была сладкой, но вкусной назвать ее было сложно. Сам Гаррет предпочитал горький баларский эль, но сейчас удовлетворенно кивнул, потому что альмирцы обожали свою медовуху.

– Я месяц провел на востоке, – сказал он. – Хочу двинуть в Глиновал. Там как дела?

– Что, пушнину добывал?

Гаррет кивнул:

– Ага. Привез бобровые шкурки в Студеный Водопад. Мне за них денег отвалили, как за золотые. А теперь надо бы запастись провиантом и пойти подальше на запад.

– В Глиновале совсем худо, – вздохнул трактирщик, навалившись грудью на стойку. – Там вроде пока заправляет Тибольт, но его власть висит на волоске. На него какой-то Хрилиан войной пошел.

– Да ты что? – притворно удивился Гаррет.

Альмирские бароны приносили клятву верности королю Мальграву, но постоянно вели междоусобные войны, пытаясь захватить земли соперников. Гаррет догадывался, что король поощряет междоусобицу, поскольку из-за нее баронам некогда зариться на королевский престол.

– Говорят, Хрилиан приволок к городу катапульту, – продолжал трактирщик. – Фиг его знает, где он ее раздобыл, но такую бучу устроил! Осадил город, а Тибольт чудом отбился, хотя созвал на помощь всех своих воинов. В общем, теперь отряды Хрилиана рыщут по лесам, Тибольтово войско стоит под крепостной стеной, к городу никого не подпускают. Так что вряд ли тебе удастся пополнить там припасы.

Гаррет одним глотком допил медовуху и спросил:

– А как дорога на Глиновал?

Трактирщик поморщился, недовольный тем, что посетитель не прислушивается к доброму совету, забарабанил толстыми пальцами по стойке, а потом пожал плечами:

– После недавних ливней тракт раскис, как дерьмо в выгребной яме. Если хочешь добраться до Глиновала к середине лета, придется топать в обход. Ступай на юго-запад, вдоль гряды Демоновы Горбы, глядишь, через неделю и доберешься до Карторнского перевала, там на северном берегу ручья растут желтые цветы. В общем, моли всех богов, чтобы тропу не завалило, оттуда на север прямая дорога к Глиновалу.

Гаррет оставил на стойке две медные монетки и ушел. Время поджимало, не опоздать бы.

3 Бершад

Альмира, Незатопимая Гавань

Рассвело всего час назад, но дорога к Незатопимой Гавани на целую лигу была запружена толпами крестьян, устремившихся на столичный рынок продавать свои товары. Каждому хотелось занять местечко поудобнее. Мычала скотина, квохтали куры, а их хозяева прикрикивали на живность и переругивались между собой. Роуэн глядел на толпу с вершины холма, где они с Бершадом остановились на ночлег. Драконьер со стоном поднялся с подстилки.

– Как нога? – спросил Роуэн.

– Вроде на месте, – ответил Бершад.

Изувеченная нога заживала медленнее из-за двухнедельного путешествия по берегам Атласа в столицу, но усилия ученика целителя не прошли даром.

– А рана закрылась быстрее обычного, – сказал Роуэн, протирая заспанные глаза. – Видно, малец смазал ее чем-то особенным.

После встречи с королевским гонцом Роуэн немедленно увез Бершада из Выдрины Утеса, но драконьер очнулся лишь через день пути. Бершад рассказал оруженосцу о чудодейственной мази и описал мох – темно-зеленый, как мокрые водоросли, испещренный крохотными голубыми цветами. Такого мха они никогда прежде не видели, а возвращаться и расспрашивать мальчика было уже поздно.

– Ага, – вздохнул Бершад и потыкал ногу пальцем, чуть морщась от боли.

– И второе копьё ты хитро швырнул.

– Хитро – не то слово, – сказал Бершад.

Мох, добавленный мальцом в целительную мазь, придал драконьеру необычайную силу. Тяжелое копьё в руке стало легким, как речная галька.

– Что ж, на этот раз рассказ о твоих подвигах будет весьма похож на правду.

– Только если малец проболтается. Все остальные прятались в лесу и ничего не видели.

– И что бы все это значило?

Бершад поглядел на дорогу:

– Понятия не имею. Я расспросил две дюжины алхимиков, но они ничего толком не объяснили, так что ответ вряд ли существует.

– Слушай, мы же однажды на западе забрели в какую-то глушь, и тамошний шаман вроде бы что-то такое говорил... Помнишь его? Он еще волосы себе мазал птичьим пометом. Как его там? Хоракс, Хорлин...

– А, тот придурок, который объявил меня богом демонов в человеческой шкуре? Фигня все это.

– Конечно фигня, – согласился Роуэн. – У демонов бога не бывает.

Бершад хмыкнул. В богов и в демонов он верил не больше, чем в говорящие мечи или в честных королей, но с ним явно что-то происходило. Кости его наливались странным, злоеющим жаром, будто костный мозг выжигала лава. Бершада это пугало.

– Что бы там ни было, нам сегодня надо попасть в город, – сказал он, кивая на толпу у главных городских ворот.

– Как только тебя увидят, поднимется переполох, – напомнил Роуэн.

– А до боковых ворот полдня пути, – возразил Бершад. – Уж лучше переполох, чем какой-нибудь прыткий стражник, который не станет читать никаких посланий, а одним махом снесет мне голову. Вдобавок в толпе перепуганных крестьян стражники не полезут на рожон.

– Тоже верно. А ты волнуешься? – спросил Роуэн. – Ну, с королем Гертцогом встречаться и все такое?

– Волнуюсь – не то слово.

«Злюсь» или «свирепею» подошло бы больше.

Роуэн озабоченно посмотрел на Бершада:

– Ты не замышляешь никаких глупостей, а, Сайлас?

– Ни в коем случае. Глупости я обычно совершаю не задумываясь.

По узенькой козьей тропке они спустились с холма к дороге, ведущей к городским стенам. Незатопимую Гавань называли так потому, что, хотя город и раскинулся между двумя могучими реками, его, в отличие от большинства альмирских городов, не затапливали ни весенние дожди, ни осенние ливни.

Крестьяне, толпившиеся на дороге, с ворчанием расступались перед Роуэном, который вел осла в поводу. Бершад, на голову выше окружающих, следовал за оруженосцем. Им удалось пройти пару сотен ярдов, как вдруг какая-то девчушка сообразила, кто именно протискивается мимо.

Увидев широкие синие прямоугольники на щеках Бершада, малышка задрожала от страха, дернула отца за рукав и прошептала:

– Драконьер!

Отец не обратил на нее внимания, и тогда она завизжала во весь голос.

Испуганные люди порскнули в разные стороны, с безопасного расстояния глаза на отверженных. На городских стенах Незатопимой Гавани голова изгнанника не красовалась с тех самых пор, как Гралор Камнеухий, задремавший на пароме, проснулся на пристани, где палач уже точил свою секиру.

Бершад решил, что лучше подождать. Слухи о появлении драконьера станут передаваться из уст в уста и в конце концов дойдут до стражников, а те, разумеется, прискачут, чтобы с ним расправиться. Вряд ли король удосужился сообщить стражникам, что лично призвал драконьера в столицу. Король Гертцог, упертый старикан, долго помнил обиды. А род Бершадов его весьма уязвил.

Пока Бершад и Роуэн ждали, крестьяне, косясь на них, принялись лепить глиняных божков и бормотать молитвы. Вскоре из городских ворот выехал конный отряд гвардейцев Мальграва. Бершад насчитал двадцать всадников – многовато для того, чтобы расправиться с единственным драконьером. Роуэн отшвырнул шматок бекона и встал слева от Бершада. Крестьяне отступили подальше, а гвардейцы, окружив Бершада и Роуэна, наставили на них копья. Лица всадников закрывали маски в виде орлиной головы – знак повиновения роду Мальгравов.

Командир выступил вперед. Ярко-оранжевая полоса, вертикально пересекавшая орлиный клюв маски, выделяла его среди прочих гвардейцев. На плечи воина, как и подобало его званию, был накинута зеленая плащ, а маску обрамляла жесткая щетка конских волос, выкрашенных в синий цвет.

– Ты сбился с пути, драконьер? – осведомился командир с нарочитой ленцой, будто проделывал это каждый день.

– Я здесь по приказу короля, – ответил Бершад.

– Какое совпадение! Я тоже. Только мне приказано убивать драконьеров, которые осмелятся приблизиться к городу. Как же мне разрешить это противоречие?

Бершад не раз встречался с подобными типами – образованными, из знатных семейств, но без особого влияния при дворе. Скорее всего, командир был третьим или четвертым сыном захудалого рода; он надеялся дослужиться до высокого чина в королевской армии и тем самым помочь упрочить положение семьи, когда ее возглавит старший брат.

– У нас есть подписанный приказ, – сказал Бершад. – Если твои люди меня не убьют, когда я двину рукой, то готов достать его из кармана.

– Не убьют, – заверил командир.

Бершад вытащил из нагрудного внутреннего кармана свиток и швырнул командиру. Тот ловко поймал его одной рукой, не снимая другой с рукояти меча. Хороший боец, подумал Бершад. Всегда настороже. Командир прочел королевский приказ, проверил печать на свету, а потом кивнул гвардейцам, которые дружно наставили копыя в небо.

– Эолин, Шермон, с коней! – Командир снял маску и повесил ее к поясу; оказалось, что он очень молод, с ярко-синими глазами и орлиным носом. – Рад встрече, барон Бершад, – улыбнулся он. – Поедем в город. Король ждать не любит.

– Прости, что не сразу тебя признал, – сказал командир, скача бок о бок с Бершадом по дороге в Незатопимую Гавань.

– А мы знакомы?

– Я – Карлайл Лайавин.

Бершад был прав: род Лайавинов из Дайновой пущи был древним, но захудалым.

– Мой отец много лет служил твоему, – продолжал Карлайл. – А я вместе со всеми провозжал тебя в Гленлокское ущелье. Жаль, что для вашей семьи все обернулось так худо.

Ни один барон с Атласского побережья не стал бы выказывать Бершаду такого сочувствия – если драконьер прогневил короля, то должно гневаться и им. Но обитатели Дайновой пущи славились своей независимостью. Бершад это оценил.

– И как же обстоят дела у Лайавинов при новом правителе? – спросил он. – Насколько мне известно, Элден Греалор властвует иначе.

– Вот именно что иначе, – согласился Карлайл. – Барон Греалор не питает особой любви к джунглям. Он построил лесопилки по всей Дайновой пуще и разбогател. Дайновая древесина стоит целое состояние, поскольку до недавних пор купить ее было почти невозможно. – Карлайл замялся. – Прости. Наверное, тебе больно слышать разговоры о родных местах.

– Дайновая пуща мне больше не дом, – сказал Бершад. – И мне насрать, чем там занимается Греалор.

Иногда Бершад даже верил своим словам.

– И все равно это неправильно, – поморщился Карлайл. – Поэтому я собрал своих людей и переехал в столицу. Поступил на службу к принцессе Эшлин Мальграв.

При упоминании Эшлин у Бершада пересохло во рту. Всю дорогу он старался не воображать, как снова встретится с ней, но получалось плохо.

– Разве ты не присягал служить королю?

– Вообще-то, я числюсь в королевской гвардии, но Гертцог Мальграв не питал особой приязни к пятистам воинам из Заповедного Дола, которые, внезапно лишившись владыки, искали нового повелителя. Он отдал нас под начало Эшлин и поручил оборонять столицу. Карауля ворота, особой славы не заслужишь, но, если честно, я этому рад.

– С чего бы?

– Мне изрядно надоели битвы и набеги, столь любезные сердцу нашего короля. Ему ведь надо держать баронов в узде и все такое. Нет, как по мне, так лучше стеречь крепостные стены,

зато каждую ночь спать в мягкой постели. Вдобавок Эшлин Мальграв никогда не отправит меня рубить лес.

– Верно, не отправит, – сглотнув, сказал Бершад.

Они скакали к замку по широкому тракту, от которого направо и налево отходили дороги и улочки поуже, запруженные людьми и повозками и усеянные всевозможными лавками.

Вдали виднелась громада замка Мальграв – древней крепости, выстроенной на вершине плато. Гранитные стены уходили ввысь на восемьдесят локтей, а за ними к небу вздымались четыре огромных шпиля. Две башни пониже, одинаковой высоты, были вчетверо выше крепостных стен. На верхушках этих башен некогда сидели лучники, но теперь там располагались роскошные покои для высокородных гостей. Верхний этаж одной из башен был закопчен и разрушен с западной стороны. Бершад сощурился, стараясь получше разглядеть, что там. Поврежденные стены больше походили на оплывший воск, чем на обвалившуюся каменную кладку.

– Что там случилось? – спросил Бершад.

– Пожар, – ответил Карлайл.

– Невиданное дело, чтобы пожар в замке растопил камень.

– Твоя правда. Но начальникам стражи сказали, что вспыхнул пожар. – Карлайл пожал плечами. – Два месяца назад, как раз когда приезжало баларское посольство.

– А ты сам видел, как горело?

– Да, – кивнул Карлайл. – Среди ночи что-то сверкнуло и гроыхнуло, будто молния ударила, хотя в небе не было ни облачка. Я выбежал во двор поглядеть, в чем дело, и увидел, что вся западная сторона башни объята пламенем. Только огонь был подозрительным.

– Как это?

– Цвет у него был странный. – Покосившись на закопченную башню, Карлайл многозначительно посмотрел на Бершада. – Богам известно, что я видал много горящих крепостей, да и не одну поджег. Обычно из окон вырываются желтые и оранжевые языки пламени, как в костре. А это пламя было синим. Сплошняком. Причем полыхало не из окон, а горели сами камни, да так, что за миг раскалились добела. И угасло быстро – минут за пять или за десять. Я бросился наверх, проверить, все ли потушили, но принцесса Эшлин меня непустила.

– Эшлин была в башне?

– Разумеется, – сказал Карлайл, указывая на третий шпиль, вдвое выше двух башен пониже. – Ее личные покои и приемные залы по-прежнему находятся в башне Королевы, но в последние месяцы Эшлин вела какие-то дела в той, где вспыхнул пожар. – Помолчав, он добавил: – Никто не знает, чем именно она там занимается, только ходят всякие слухи. В общем, Эшлин – не обычная высокородная особа.

Бершад знал о пересудах. Поговаривали, что Эшлин Мальграв по ночам варит папирийские зелья из драконьих потрохов в огромном котле, изменяет погоду и наводит порчу на мужчин, лишая их мужской силы. Правда, Бершад знал, что все это чушь.

– Придворные обожают сплетни, – заметил он.

– Верно, – улыбнулся Карлайл.

Мало кто из жителей Альмиры уходил из родного дома дальше чем на день пути. С рассвета до заката альмирцы трудились в полях, а с наступлением темноты поклонялись лесным богам, обитателям лесов за оградами хижин. Такое замкнутое, разобщенное существование порождало суеверия. Все непонятное объявлялось колдовством и чертовщиной. Поведение Эшлин было необъяснимым для замковых стражников, крестьян и всех прочих. Если бы в ее жилах не текла королевская кровь, то Эшлин уже давно объявили бы ведьмой, прислужницей демонов, и под всеобщее ликование сожгли бы на костре.

– Ну, что бы там ни было, – продолжил Карлайл, сворачивая на широкую улицу, – о сгоревшей башне гадать незачем. Нам, вообще-то, нужно вот сюда.

Он указал на четвертую башню, что стояла в самой середине крепостного двора и слыла самым высоким строением во всей Альмире. В башне находились покои, пиршественные залы, зерновые амбары, кухни, бани и оружейные палаты. А еще – Гертцог Мальграв, король Альмиры.

– Угу, – буркнул Бершад, отгоняя мысли об Эшлин, потому что пришло время сосредоточиться.

Карлайл провел его через главные ворота крепости Мальграв, решетку которых днем поднимали. За воротами находилась большая площадь, где торговцы побогаче предлагали свои товары придворным куртизанкам. С лотков продавали пряности из заморских краев, редкие вина и драгоценные камни для украшения глиняных божков.

Карлайл ловко соскочил из седла, Бершад и Роуэн спешили следом. Конюхи в шелковых рубахах увели коней. Двери в десять локтей высотой, ведущие в замок, были срублены из древнего альмирского дуба и украшены резными изображениями богов.

По обе стороны дверей выстроились две шеренги стражников, по трое в ряд, в масках и сине-черных доспехах, сверкавших на солнце. За роскошным столом сбоку от дверей сидел кастелян – тощий и мосластый, с редкими седыми волосами и глубокими морщинами на лбу и щеках – и торопливо записывал что-то в огромный фолиант.

– Зачем ты пришел в замок Мальграв? – осведомился кастелян, не отрывая взгляда от страницы.

– Я привел Сайласа Бершада, изгнанника-драконьера, и Роуэна, его треклятого щита. Они явились по приказу короля, – формальным тоном объявил Карлайл.

Перо кастеляна замерло. Он уставился на Бершада и спросил:

– А приказ у тебя с собой?

Карлайл извлек свиток из кошелья на поясе и протянул кастеляну. Тот прочел приказ, трижды потыкав пером в королевскую печать.

– Предъяви свою отметину, драконьер, – велел кастелян, все еще разглядывая свиток.

Бершад снял перчатку с правой руки и закатал рукав. От запястья до плеча кожу покрывали синие спирали замысловатой татуировки. Первые завитки, у запястья, были вытатуированы одновременно с синими прямоугольниками на щеках. Древние альмирские символы обозначали бывший титул изгнанника, перечисляли его преступления и указывали причины изгнания. Кастелян огласил их вслух:

– Сын предателя Леона Бершада. Бывший наследник Заповедного Дола и провинции Дайновая Пуца. Бывший жених принцессы Эшлин Мальграв. Бывший полководец Воинства Ягуаров. Нрава буйного, легко ярится, в гневе жаждет крови. Изгнан за кровавое побоище в Гленлокском ущелье.

Эти символы покрывали лишь запястье Бершада, а дальше перечислялись победы драконьера. На коже Бершада корчились в предсмертных судорогах шестьдесят пять драконов. Татуировки, нанесенные разными людьми, сплетались в мозаичную картину невероятных подвигов.

Почти все драконы были убиты ясеневым копьем, поразившим пасть или глаз. Чисто и безупречно. Единственным исключением был желтоспинный гризел, вытатуированный на бицепсе Бершада, – драконьер снес голову этой твари кинжалом из драконьего клыка. Дракон был недомерком, но биться с ним было тяжело, все равно что бороться с взбешенным вепрем, щетинистым, будто дикобраз. Яд острых шипов вызывал безумные видения, которые мучили Бершада целую неделю после битвы. Когда драконьер пришел в себя и отправился в соседнюю провинцию, оказалось, что все только и говорят о его подвиге, потому что прежде никому не удавалось обезглавить дракона, пусть даже недомерка.

При виде татуировок Карлайл присвистнул. Таких татуировок не удостоивался ни один драконьер. Большинство при первой же попытке завершали битву с раковиной во рту, без

права даже на одну-единственную татуировку, а редким счастливым удавалось обзавестись двумя или тремя.

Татуировки Бершада обвивали всю его руку, украшали плечо и даже грудь и спину.

Кастелян, не выказывая ни малейшего признака восхищения, притянул руку Бершада поближе, чтобы лучше рассмотреть изображения драконов, и чуть было не ткнул его пером, но вовремя сдержался.

Удовлетворив свое любопытство, кастелян выпустил руку драконьера и что-то записал в своем фолианте.

– Мне надо добавить еще одну, – сказал Бершад.

– Татуировка подождет. А вот король Гертцог ждать не станет. – Кастелян поморщился, глядя на Бершада. – Ты жутко грязен. Я пришлю служанок, пусть приведут тебя в подобающий вид для аудиенции с королем. Твоему треклятому щиту отведут место среди слуг. Военачальник Карлайл, – сказал он, скользнув по молодому человеку небрежным взглядом, присущим всем кастелянам, с кем бы они ни разговаривали, – ты свободен.

Карлайл даже не показал виду, что задет таким бесцеремонным обращением, и повернулся к Бершаду:

– Для меня большая честь снова встретиться с тобой, барон.

Кастелян хмыкнул, услышав, что Карлайл именуется драконьера бывшим титулом, но ничего не сказал.

– Надеюсь, мы с тобой еще встретимся, – продолжил Карлайл. – А до тех пор я буду охранять замок.

Он с улыбкой надвинул орлиную маску на глаза и направился к конюшне, а кастелян принялся расспрашивать следующего посетителя, желающего пройти в замок Мальграв.

Прежде чем расстаться с Роуэном, Бершад сказал:

– В замке держи ухо востро. Если вдруг что не так, бери Альфонсо и уходите из Незатопимой Гавани. Меня не ждите.

Роуэн нахмурился:

– Сайлас, не делай глупостей. Он все-таки король.

– Да, король. Мерзавец, который убил моего отца и наградил меня синими полосами на щеках. Я не намерен ему кланяться и лобызать руки. – Бершад, склонившись к Роуэну, сжал его плечо. – Мы с тобой через многое прошли, но тебе рановато отправляться к морю вслед за мной. Обещай, что сбежишь отсюда.

Роуэн сглотнул и пристально посмотрел на Бершада:

– Обещаю.

Драконьер хлопнул его по плечу:

– Молодец. И не волнуйся, я очень постараюсь не умереть.

Две бледнокожие служанки с волосами соломенного цвета, явно уроженки Листирии – холодного края на дальнем берегу Моря Душ, – увели Бершада в покои во второй башне. По всей Терре прославляли необычайную удачливость драконьера, но слугам Гертцога Мальграва под страхом плетей не позволялось выказывать ему ни капли уважения. Бершад сообразил, что слуги-альмирцы, опасаясь за собственные спины, нарочно отправили к нему чужестранок.

Листирийки наполнили огромную лохань горячей водой, всыпали туда ароматические соли и лаванду. Едва Бершад окунулся в лохань, вода почернела. Изумленные служанки смешали воду, на этот раз добавив побольше ароматических солей и трав.

Пока одна листирийка занималась спутанными космами Бершада, другая щеткой оттирала ему руки, грудь и спину, осторожно смывая присохшие струпья и дорожную грязь. Рана на ноге зажила, под струпом остался лишь светло-розовый кружок, который вскоре превратится во вспученную, узловатую отметину. К многочисленным шрамам добавился еще один.

Когда Бершада отмыли дочиста, одна служанка подстригла бороду драконьера, а другая умастила благовонным маслом его кожу, покрытую глубокими бороздами шрамов. Занимаясь своим делом, листирейки все время перешептывались на родном языке.

– О чем это вы секретничаете? – спросил Бершад.

Та, что стригла ему бороду, кашлянув, ответила на ломаном альмирском:

– Фэй не понимает, почему тебя прозвали Безупречным. Ты же весь в шрамах. Так много шрамов не бывает даже у гвардейцев.

– Ну, истории об этом умалчивают.

– Что-что?

Бершад вздохнул. Ему не хотелось объяснять смысл своего прозвища.

– Все, чище я уже не стану. Принесите мне одежду.

– Да-да, сейчас принесем, – ответила служанка.

Чистая одежда – штаны, рубаха и камзол – была черной с зеленой оторочкой. На камзоле оказались костяные пуговицы, с которыми Бершад не мог справиться.

– На фи́га они здесь? – пробормотал он.

Одна из служанок с улыбкой вызвалась ему помочь. Запахнув двубортный камзол, она аккуратно застегнула пуговицы, которые образовали вертикальный ряд с левой стороны, до самого ворота. Бершад не наряжался так уже четырнадцать лет и ненавидел это одеяние. Он попытался расстегнуть пуговицу у ворота, но служанка удержала его руку и предупредила:

– На встрече с королем все должно быть застегнуто.

– Как скажешь.

Пока листирейки собирали вещи, Бершад оглядел покои в поисках оружия. Любого. Какая-нибудь завалящая бритва или ножницы. Короля можно убить даже гребнем. Увы, ничего подобного не попадалось на глаза. Что ж, невелика беда. Гертцог Мальграв обрек Бершада на жалкое существование вечного изгнанника. Драконьер готов был убить его голыми руками. Мысль о том, что Гертцог умрет у него на глазах, наполняла Бершада горькой яростью и едва сдерживаемым возбуждением. Пальцы у него задрожали, кровь вскипела в жилах.

В покои вошел юный паж и сбивчиво затараторил:

– Я доложил королю Гертцогу о твоём прибытии, когда его величество только приступили к ужину в зале Алиор. Его величество приказали доставить тебя немедленно. Я спросил, не лучше ли после ужина, а его величество изволили швырнуть в меня соусником. Вот, пятно осталось. Так что поторапливайся.

Они с Бершадом прошли по замку к дубовым дверям, украшенным резным изображением бога с орлиной головой и огромными крыльями.

– Готов? – спросил паж.

– Ага, – ответил Бершад и дернул воротник; пуговица расстегнулась.

– погоди, дай поправлю. – Паж встал на цыпочки, застегнул Бершаду ворот камзола и прошептал: – Между прочим, там полон зал гвардейцев с обнаженными мечами. А король гневается. Если хочешь, я дам тебе свою ракушку. Ну так, на всякий случай. – Он вытащил из кармана круглую белую раковину и протянул драконьеру. – Для меня большая честь помочь душе Безупречного Бершада найти дорогу к морю.

Бершад невольно улыбнулся. Если кто-нибудь узнает о предложении пажа, то беднягу нещадно выпорют плетью.

– Как тебя зовут?

– Деннис, барон Бершад.

– Побереги ракушку для себя, Деннис. Море отсюда недалеко, я его и сам найду.

Паж серьезно кивнул и открыл дверь.

Зал Алиор, одну из малых приемных палат, назвали в честь вздорного монарха, который едва не обанкротил страну и проиграл войну со Страной джунглей, лежащей к югу от Дайно-

вой пуши. Король трапезничал в одиночестве, в дальнем конце зала. Гвардейцы Мальграва, в полных доспехах и с обнаженными мечами, выстроились вдоль стен.

Едва Бершад вошел в зал, один гвардеец выступил из левой шеренги, оттолкнул драконьера на шаг и грубо обыскал. Хорошо что Бершад не спрятал в рукаве какой-нибудь острый предмет.

– Он безоружен, – объявил гвардеец и посмотрел на Бершада. – И если дерзнет подойти ближе, чем положено, то умрет. – Он перевел взгляд на Денниса.

Паж встал перед Бершадом и повел его за собой через зал.

– Мой государь, – с низким поклоном сказал Деннис. – Позвольте представить вам Безупре... кхм... то есть... Драконьер явился по вашему повелению.

Король Гертцог прекратил жевать и оперся локтями о столешницу. Ладони, сложенные домиком, почти закрыли его лицо. Королевские плечи окутывала медвежья доха, но от короля веяло холодом.

– Долго же ты сюда добирался, изгнанник.

Бершад пересчитал гвардейцев – двадцать пять. Затем проверил, есть ли другие выходы из зала. Таковых не оказалось.

Он пожал плечами:

– Мой осел одряхлел и не может идти целый день. Пришлось останавливаться, чтобы он передохнул.

Король гневно посмотрел на Бершада и вернулся к прерванной трапезе. Оторвав крыло жареной куропатки, Мальграв жадно вгрызся в него. Бершад помнил Гертцога королем-воителем, которому было привычнее в полном доспехе сидеть в седле, а не кутаться в дорогую шубу на троне. Однако годы брали свое. Король стал дряхлым и согбенным, а когда-то был сильным и стройным. Черные волосы поседели и поредели. И все же его тело было словно бы создано для жестокости и насилия. Даже сейчас его плечи были вдвое шире плеч обычного воина.

Король жевал кусок куропатки, тянул время, показывая свою силу.

– Чего ты хочешь, Гертцог? – спросил Бершад.

Деннис ахнул от такой наглости. Бершаду было все равно. Он ненавидел дворцовые ритуалы, когда ему было восемнадцать, а годы, проведенные в изгнании, и вовсе лишили его желания расшаркиваться да раскланиваться, пусть даже и на королевской аудиенции.

Король Гертцог старался не подавать виду, что его задевает подобная бесцеремонность, но лицо его чуть исказилось. Он цыкнул зубом, отшвырнул жареное крылышко и сипло произнес:

– Для тебя есть дело в дальней стороне Терры.

А, значит, еще один дракон. Наверное, какой-то чужеземный правитель упросил Гертцога прислать в его владения прославленного драконьера, а взамен посулил выгодные пошлины на ввозимый товар. Такое случалось и прежде, только Гертцог никогда не требовал личной аудиенции. Это что-то новенькое.

– Где? И какой породы?

Король отхлебнул из глиняного кубка и буркнул, глянув на Денниса:

– Пшел вон.

Паж выбежал из зала, словно Гертцог пригрозил ему арбалетом. Хлопнула дверь.

Король зашелся гулким грудным кашлем, отхлебнул вина, утер губы парчовой салфеткой и бросил ее на недоеденную куропатку.

– И почему ты еще жив?

Бершад пожал плечами:

– Оказывается, убивать драконов не так трудно, как говорят.

– В этом разговоре шуточки тебе не помогут, – хмыкнул Гертцог.

– Я что-то не пойму, о чем вообще разговор. Похоже, речь не о том, чтобы завалить чужеземного дракона.

Гертцог пристально посмотрел на Бершада, а потом подозвал к себе одного из гвардейцев.

– У меня для тебя есть подарок, изгнанник.

Гвардеец взял длинный короб из полированного дуба, опустил его у ног Бершада и отступил.

Бершад уставился на короб:

– Там гадюки или что?

– Да открывай уже!

Помедлив, Бершад склонился над коробом, щелкнул застежками. В коробе лежал меч, отобранный у Бершада в день, когда его объявили изгнанником. Меч был ни альмирским, ни папирийским, а был выкован на какой-то смешанный манер. Эшлин любила подшучивать над предпочтениями Бершада при выборе меча – и женщины.

В отличие от прямых обоюдоострых клинков альмирских гвардейцев этот был однолезвийным и чуть изогнутым. Уже, чем обычный меч, – в три пальца шириной у эфеса, а не шесть, – но короче папирийских. Рукоять, для удобства оплетенная акульей кожей, добавляла пол-локтя к длине клинка, так что мечом можно было пользоваться и как одноручным, и как двуручным. Навершием рукояти служил простой железный шар, способный пробить череп. Черные ножны были сработаны из кожи и папирийского кедра.

– Сначала ты меня обыскиваешь, а потом даешь в руки меч? – удивился Бершад.

Гертцог пожал плечами:

– А ты попробуй.

Бершад взял меч, чуть вытащил клинок из ножен, провел пальцем по лезвию. Ладонь обхватила рукоять – привычно, как надевают любимые разношенные сапоги. Однако же Бершада это не обрадовало, а наоборот, разъярило.

– Я велел кинуть меч в самый глубокий подвал, а пару лет назад подвал затопило, – сказал Гертцог. – Похоже, клинок разъела ржа.

У Бершада желчь подступила к самому горлу, в глазах мутилось, мысли путались. Он представил себе, как бросается к королю и вонзает ржавый клинок в его подлое сердце. Бершад готов был сорваться с места, но его остановило выражение лица Гертцога.

Король ухмылялся. Злорадно.

Нарочно подзуживал. Иначе и быть не может. Бершад снова посмотрел на гвардейцев, заметил пятерых с заряженными и взведенными арбалетами. Нет, раз уж он уцелел в схватках с драконами, то не намерен погибать из-за того, что не сдержал раздражения. Он подавил гнев, сжал рукоять так, что хрустнули костяшки пальцев, вложил клинок в ножны и прошипел сквозь зубы:

– И зачем ты мне его дал?

Королевская ухмылка исчезла. Гертцог откинулся на спинку кресла.

– Затем, что ты должен убить императора Баларии.

Бершад недоуменно поморщился. После безуспешных попыток вторгнуться в Альмиру балары закрыли границу. За последние тридцать лет ни один альмирец не прошел их легендарного таможенного досмотра, не говоря уже о том, чтобы посетить столицу Баларии, Бурзаль-дун.

– Ты шутишь?

– А что, похоже? Если ты выполнишь мой приказ, то больше не будешь изгнанником.

Такого никогда еще не бывало. Изгнание, как и татуировки, было пожизненным.

– Почему ты жаждешь смерти императора?

– А тебе не все равно?

– Нет.

Бершад по опыту знал, что любое королевское предложение чревато непредсказуемыми последствиями, которые легко могут привести к гибели.

Гертцог закашлялся и тяжело сглотнул:

– Знаешь, о чем думают старики перед смертью?

– Нет, не знаю. Как видишь, я покамест полон сил и молодецкого задора.

– О семье, – сказал Гертцог. – А император Баларии умыкнул у меня половину.

– Как это?

– Балары решили открыть границы. Два месяца назад император приехал с посольством в Незатопимую Гавань, чтобы заключить новое торговое соглашение. А после его отъезда выяснилось, что он похитил мою дочь.

Бершад невольно напрягся:

– Эшлин?

– Нет, – поморщился Гертцог. – Принцессу Каиру.

Каира была младшей сестрой Эшлин.

– Похитил?

– Ну не сама же она с ним уехала! Ей всего пятнадцать. Эти мерзавцы, поклоняющиеся шестеренкам, не смогли завоевать мои владения и в отместку умыкнули мою дочь. Я этого не потерплю! – Стукнув кулаком по столу, Гертцог уставился на свою испещренную шрамами руку и чуть спокойнее произнес: – Мужчина обязан защищать своих родных, иначе он и не мужчина вовсе.

Бершад оглядел гвардейцев в зале, пытаясь сообразить, как они отнеслись к такому проявлению слабости. Лица воинов не дрогнули. Король явно с пристрастием отбирал свою свиту – простой солдат недолго хранил бы такое в тайне.

– Да, это ты здорово облажался.

Гертцог выпрямился на кресле и помрачнел.

– Верни Каиру домой, – грозно прорычал он. – И убей императора Мерсера Домициана.

Бершад качнул меч, заново привыкая к его тяжести. Как только клинок покинет ножны, придется действовать стремительно. И все же предложение короля было весьма соблазнительным. Бершад решил подыграть Гертцогу, чтобы понять, к чему именно он клонит.

– Если помнишь, однажды ты меня уже посылал на убийство, – сказал драконьер. – И все закончилось кровавой резней и синими татуировками у меня на щеках. Почему я должен тебе верить?

– Верь или не верь – мне все равно. Мое дело предложить. Не хочешь – отказывайся.

– А что ты будешь делать, если я откажусь? Дальше изгонять вроде бы некуда.

Гертцог сжал зубы и процедил:

– Вот только не притворяйся, что тебе больше нечего терять. У тебя есть твой треклятый щит, Роуэн. И осел, о котором ты так печешься. Стоит мне пальцем шевельнуть, и кто-нибудь из моих гвардейцев отволочет Роуэна в ослиное стойло и сожжет его вместе с ослом. И тебя туда отведут посмотреть.

Бершад не вытерпел:

– Знаешь, Гертцог, я почти купился на неожиданный подарок и на отцовскую скорбь, но все-таки ты остался тем же мошенником, что и прежде. Гниешь заживо, но все так же полон лжи и дерьма.

Гертцог побагровел от ярости. Бершад оценил расстояние до короля – шесть, может быть, семь шагов. Далековато. Стражники могут помешать ему прикончить Гертцога.

– Знаешь, почему я еще жив? – Бершад шагнул вперед; гвардеец за спиной тоже сделал шаг, держась так близко, что драконьер мог бы перерезать ему горло взмахом клинка, высвобождаемого из ножен. – Потому что знал: ты все эти годы сидишь сиднем в своем замке и дряхлеешь. Ждешь вестей, что я наконец-то прикусил ракушку. Слушаешь, как слуги пере-

шептываются об очередном убитом мной драконе, и сомневаешься, что меня переживешь. А мне только этого и надо – чтобы ты уплыл к морю, зная, что я жив. Что ты проиграл. – Бершад взглянул на меч. – Но ты предоставил мне лучшую возможность. – Он повернулся спиной к королю. – Мне плевать, что император Баларии похитил твою дочь. Я четырнадцать лет мечтал тебя убить. Так что я отказываюсь от твоего хренового предложения и готов покончить со всем прямо сейчас. В этом самом зале.

Бершад сжал рукоять меча, готовясь высвободить клинок. Гертцог облизнул губы. На лбу короля выступила испарина.

– Принцесса Эшлин меня предупреждала, что ты откажешься, – сказал Гертцог.

Услышав имя Эшлин, Бершад замер.

– Интересно, что ты скажешь, когда она тебя сама попросит о том же, – продолжил король. – Вряд ли ты захочешь пронзить ей сердце.

Бершад недоуменно наморщил лоб. Женский голос за спиной произнес:

– Привет, Сайлас.

У каменной колонны стояла Эшлин Мальграв. В руках, скрещенных на груди, виднелся пергаментный свиток.

– Эшлин, – сказал Бершад, разжав пальцы на рукояти меча. Ярость, полыхавшая в его взгляде, ухнула в живот.

Бершад уставился на свою возлюбленную.

За четырнадцать лет у ее губ возникли тонкие морщинки, но в остальном она ничуть не изменилась. Черные кудри волной ниспадали до бедер. Большие глаза и длинный нос резко выделялись рядом с округлым подбородком. Суровый нрав Мальгравов сквозил в ее чертах, поэтому мало кто называл Эшлин красавицей. Какой-то поэт однажды сказал, что ее обличье – как буря над морем, и восхищает, и внушает тревогу. Бершад не мог этого понять. Встреча с ней была для него чем-то вроде возвращения в родной дом.

– Четырнадцать лет – это очень долго, – только и смог пробормотать он.

Эшлин улыбнулась, а потом кивнула на меч в руке Бершада.

– Судя по всему, отец уже изложил тебе наше предложение.

Бершад скрипнул зубами. Он был готов на многое ради убийства Гертцога. Даже на то, чтобы уплыть к морю вслед за ним. Но сделать это на глазах у Эшлин он не мог.

– Ты тоже хочешь, чтобы я убил императора? – спросил он ее. – Почему?

– Потому что лучше тебя с этим никто не справится, – ответила она.

Подойдя к столу, она положила пергаментный свиток на столешницу, села рядом с отцом и разгладила на коленях складки черного шелкового платья.

Хайден, телохранительница Эшлин, вошла в зал вместе с ней. Сиру, мать Эшлин, была принцессой Папирии – островного государства к северу от Альмиры. Военно-морской флот Папирии был самым могучим во всей Терре. Король Гертцог женился на Сиру из политических соображений, и принцесса не только обеспечила доступ к папирийским флотилиям, но и принесла с собой множество папирийских обычаев. В Папирии у каждой женщины королевской крови была хорошо обученная телохранительница, именуемая вдовой. Хайден, в традиционном черном доспехе из акульей кожи, тенью следовала за Эшлин.

– Лучше меня с этим никто не справится? – переспросил Бершад. – С чего ты взяла?

– Я все объясню, но, по-моему, здесь слишком много обнаженной стали. – Эшлин обвела взглядом зал. – Давайте-ка все успокоимся. Сайлас, садись за стол, выпей с нами.

– Мне и здесь хорошо, – сказал Бершад.

– И моим гвардейцам тоже, – добавил Гертцог, не сводя глаз с Бершада.

– Как хочешь. – Эшлин налила себе вина и выпила.

Никто из гвардейцев не шелохнулся и не вложил клинок в ножны, однако настроение в зале переменялось. Стало немного спокойнее.

– Попасть в Баларию по-прежнему невозможно, – сказала Эшлин, опустив кубок на стол. – Но ты все же перебрался через границу, верно?

– Да, – ответил Бершад. – Десять лет назад.

– Поэтому лучше тебя с этим никто и не справится. Как тебе это удалось?

– Мое копьё застряло в шее галамарского громохвоста. Дракон перенес меня через горный хребет и издох на баларской стороне, в сотне лиг от границы.

– Как это он тебя перенес? – вмешался Гертцог.

– Мой доспех зацепился за шипы драконьего хвоста. Я очнулся, только когда дракон уже поднялся в небо на три лиги. Пришлось выбирать, что лучше – прокатиться с ветерком или упасть и разбиться до смерти.

Гертцог хмыкнул:

– Ни один человек, от барона до шлюхи, не верил своим ушам, когда в замок явился галамарский бард и спел балладу про это.

Бершад снова повернулся к королю:

– Зато в долине Горгоны каждый крестьянин считает меня богом демонов. Тамошние обитатели швыряют соль мне под ноги, чтобы я не сожрал их души. А в одной деревне даже хотели принести в жертву первенца, лишь бы я пощадил остальных.

Король хрипло вздохнул:

– Вот из-за таких горгонских крестьян все в Терре думают, что мы дикари, которые поклоняются глиняным божкам.

– Вообще-то, это описание подходит почти ко всем альмирцам.

– По-моему, мы отвлеклись, – сказала Эшлин. – Значит, в Баларию тебя перенес громохвост. А дальше что?

– Я три дня провалялся рядом с тушей дракона и выжил лишь потому, что пил драконью кровь. А потом меня подобрал торговый караван. Торговцы отвезли меня в какую-то крепость, затерянную среди пустыни. Там меня арестовали за незаконное проникновение в страну и бросили в каземат. Спустя неделю приехал военачальник, и меня выпустили. Он знал, кто я такой, и не собирался казнить Безупречного Бершада, который не по своей воле попал в Баларию.

– И что же сделал военачальник?

– Отрядил три дюжины солдат, а те провели меня в Галамар через перевал на Вепревом хребте, доставили в какой-то портовый город и предупредили, что если дракон еще раз занесет меня в Баларию, то мне отрубят голову, упакуют в сосновый ящик и отправят в Альмиру.

– А что там, на Вепревом хребте?

– Скалы. Деревья. Каменные чешуйники, которые нападают на все, что можно съесть. Орды кровожадных дикарей, от которых трудно отбиться даже шестидесяти солдатам. В общем, там опасно.

– И как долго вы шли через перевал?

– Почти месяц.

Эшлин допила вино и отодвинула кубок:

– А ты сможешь провести небольшой отряд к баларской границе так, чтобы их не убили?

Подумав, Бершад произнес:

– Ты сказала, что попасть в Баларию невозможно. А сколько раз вы пытались?

Эшлин рассеянно потерла затылок – этот жест, как правило, означал, что ей придется раскрыть секрет.

– Сначала мы пробовали добраться туда по воде. Три самых быстрых корабля ушли в плавание, как только обнаружилось, что Каиру похитили. – Она снова взяла пергаментный свиток. – Это послание от барона Арниша, капитана эскадры. Они подошли к побережью Баларии, но там их окружили баларские фрегаты и взяли в плен у одного из островов близ Бурз-аль-

дуна. Он предупреждает, что подмогу посылать бесполезно, с ней будет то же самое. В общем, по морю в Баларию не пробраться.

– А по горам?

– Мы отправили три поисковых отряда, один за другим, – вздохнула Эшлин. – Судя по всему, их всех перерезали скожиты. Но тебе же удалось перейти через Вепрев хребет. – Она помолчала. – По-моему, ты сможешь сделать это еще раз, с небольшим отрядом. Чтобы вернуть Каиру.

– Знаешь, Эшлин, драконьярам, вообще-то, не позволено бродить где вздумается.

– Ты отправишься в те края, потому что тебя посылают драконьярствовать куда-то на восток Галамара. Паж, который тебя сюда привел, самый большой болтун в Незатописомой Гавани. Он слышал королевский приказ, так что слухи уже разлетелись.

Бершад задумался. Конечно, лучше убить короля, чем исполнять его поручение, но все-таки Бершад когда-то любил Эшлин. Может, и до сих пор любит. Может, оно того стоит...

– Значит, мне всего-то и надо, что провести отряд через границу, а потом пусть они спасают принцессу, а я в одиночку должен убить императора?

– Да.

– А может быть, лучше просто спасти Каиру и не убивать императора? – спросил Бершад. – Чтобы не привлекать ненужного внимания.

– Нет, нам надо показать свою силу, – сказала Эшлин. – Если альмирские бароны не узнают о безжалостной мести короля за похищение дочери, то сочтут это признаком слабости и не захотят подчиняться Мальгравам. Но даже если бароны не взбунтуются, балары все равно не захотят еще тридцать лет держать границы на замке. Они жаждут захватить Альмиру, чтобы превратить ее в свою колонию, точно такую же, как Галамар и Листирия. Необходимо спасти Каиру и вложить раковину в императорский рот.

Бершад шумно выдохнул и с внезапной грустью осознал, что Эшлин изменилась.

– Забавно, – негромко заметил он. – Точно такой же довод привел твой отец, когда отправил меня в Гленлокское ущелье с приказом убить военачальника наемников. И насколько мне известно, этот мерзавец до сих пор жив, а с Альмирой все в порядке. Знаешь, Эшлин, ты еще не такая сволочь, как твой поганый отец, но в тебе явно проступает порода Мальгравов. Тебе хочется защитить свою династию, а не Альмиру. А служить тебе я больше не обязан. – Он повернулся к Гертцогу. – Ты об этом позаботился.

– Сайлас, я знаю, что ты не хочешь убивать драконов, – не унималась Эшлин. – Я знаю, что всякий раз, как ты берешь в руки копьё...

– Ты меня вовсе не знаешь, – отрезал Бершад, хотя Эшлин сказала чистую правду. – Я не стану заниматься этим черным делом, полагаясь на обещания Мальгравов. – Он осекся и дрогнувшим голосом прошептал: – Однажды я уже совершил такую ошибку.

Эшлин нерешительно произнесла:

– Но ведь это ради всеобщего блага... У императора Мерсера...

– Между прочим, драконьяры выходят на битву с драконами именно ради всеобщего блага. Избавляют крестьян от чешуйчатой заразы, чтобы те спокойно возделывали поля.

Гнев сдавил Бершаду горло, горькая ярость заполнила рот. В голове мелькали воспоминания об уничтоженных драконах. Бершад отшвырнул меч и плюнул на него.

– Мне плевать на ваше всеобщее благо.

Покосившись на гвардейцев у стен, Эшлин сказала:

– Понятно. Ты имеешь полное право усомниться в нас. Во мне. Как бы то ни было, поразмысли над нашим предложением до утра. Проведешь ночь в настоящей кровати.

Она изогнула бровь и чуть наклонила голову, давая понять, что готова кое-что объяснить, только не здесь и не сейчас.

– Никакая кровать не заставит меня изменить свое решение. Так что придумай что-нибудь другое.

4

Бершад

Альмира, замок Мальграв

Деннис вел Бершада по замку; они шли по длинным коридорам и через просторные залы, спустились на один пролет по ступеням витой лестницы, а потом стали подниматься все выше и выше, в одну из башен. Когда-то все чудеса замка были хорошо знакомы Бершаду – сады, дворики и потайные каморки, где пахло морской солью. Теперь стены и палаты стали для него чужими, он в них путался и терялся.

Злость на Гертцога и потрясение, испытанное при встрече с Эшлин, постепенно развевались, но какая-то странная растерянность не покидала Бершада. Он не принял предложение Мальгравов из-за ненависти к Гертцогу. Возможно, в этом и заключалась его ошибка. Уже давно ему в обязанности вменялось лишь уничтожение драконов. Наверное, глупо было отказываться исключительно от досады.

В покоях Бершада его дождался Роуэн. Оруженосец сидел на полу у очага, скрестив ноги, а на тряпице перед ним были рядком разложены шесть копейных наконечников. Седьмой Роуэн держал в руках, бережно проводя точильным камнем по лезвию.

– Что ж, ты все-таки уцелел. Вот и славно. – Роуэн поглядел на Бершада и вернулся к своему занятию. – Твои доспехи у кузнеца, но копейные наконечники я ему не доверил. У него крестьянские руки.

– У кузнеца в замке Мальграв?

– Крестьянские руки, – повторил Роуэн.

– А как тебя сюда пустили? – спросил Бершад.

– Я их уболтал, – ответил Роуэн без дальнейших объяснений.

В покоях стояла огромная кровать и с полдюжины кресел и диванов. Впервые за долгое время Бершад мог поспать не за стойкой в трактире и не на земляном полу.

– Ну, что случилось? – спросил Роуэн.

Оставив без внимания мягкие кресла, Бершад уселся на пол рядом с оруженосцем.

– Нам предложили новую работу.

– Королю не нравится, как ты расправляешься с драконами? – Роуэн положил копейный наконечник на тряпицу и взял следующий.

– Королю не нравится, что я до сих пор жив. Он надеялся, что я давным-давно превратился в кучу драконьего дерьма. – Бершад снял сапоги и вытянул ноги к очагу. – Но балары похитили принцессу Каиру, и Гертцог озлобился на них больше, чем на Безупречного Бершада.

– А какое нам с тобой дело до похищенной принцессы?

– Он хочет отрядить спасателей в Баларию, а мы должны их провести туда через Вепрев хребет. – Помолчав, Бершад добавил: – А еще он хочет, чтобы я убил императора.

Рука с точильным камнем замерла на полувзмахе, а потом Роуэн сказал:

– Ни фиги себе. За что это его так?

– Он похитил принцессу.

– А, ну да. А еще за что?

– За то, что он ставит под угрозу светлое будущее и могущество Мальгравов, – сказал Бершад.

– Тогда конечно...

– И если я его убью, то Гертцог обещает отменить изгнание и вернуть мне родные владения. А тебя наверняка сделает военачальником.

– Сайлас, ты же знаешь, чего стоят его обещания.

– Ага.

– Вдобавок не нравится мне это. Слишком замысловато для Гертцога. Он сторонник простых решений.

– Это Эшлин придумала.

– Эшлин в замке?

– Мы с ней только что виделись.

Роуэн негромко рассмеялся:

– Великолепно. И как она выглядит?

– Такая же красавица.

– Что ж, пожалуй, мне следует предположить, что именно из-за нее ты не отправил Гертцога в дальнее плавание.

– Предполагай.

– В таком случае просто прекрасно, что она оказалась в замке. – Роуэн подбросил полено в очаг и снова принялся точить копейный наконечник. – Ну и как, ты согласился?

– Сначала я послал Гертцога куда подальше, но Эшлин упростила меня подумать до утра. – Бершад поморщился, вспомнив, каких глупостей наговорил ей в зале. – Все-таки я ей многим обязан.

Роуэн отложил наконечник копья и точильный камень:

– Судя по твоим рассказам о перевале, мы там все сохнем. А даже если каким-то чудом доберемся до Баларии, а ты перережешь горло императору, думаешь, поганые шестеренчики позволят нам уплыть домой? Это самоубийственная затея, Сайлас.

– Может быть, – пожал плечами Бершад. – Но я выбирался и не из таких переделок. Неужели тебе хочется гоняться за очередным драконом?

– Мне хочется уйти на покой, в тутовый сад, к детям и внукам. Доживать свой век на завалинке, попивая пивко и покуривая трубочку.

Бершад рассеянно усмехнулся:

– Если мы продолжим наши прежние занятия, то такого никогда не случится. Рано или поздно какой-нибудь дракон меня прикончит. После этого задрипанный страж убьет тебя и Альфонсо, а наши головы будут красоваться на крепостных стенах, пока не сгниют дочиста.

– То же самое ты говорил шестьдесят шесть драконов тому назад.

Бершад уставился в очаг.

– Ну, есть и другой выход, – продолжил Роуэн. – Как дойдем до Галамара, можно улизнуть от спасателей и укрыться где-нибудь в глуши.

Оруженосец уже не в первый раз предлагал что-то подобное. Бершад всегда отвечал одинаково:

– Вот только если нас поймают, то живьем освежают Альфонсо, завернут тебя в его шкуру и поджарят на медленном огне, а меня заставят смотреть. – Бершад не стал упоминать о том, что после этого ему самому выколют глаза, а потом отправят на битву с драконом. – Я на такой риск не пойду. Никогда и ни за что.

– А вот некоторые...

– Только дураки.

Роуэн недовольно хмыкнул, но не стал настаивать.

– Значит, выбирать придется между убийством еще одного дракона и убийством императора, – вздохнул Бершад. – Тебе что больше нравится? За убийство баларина нам все-таки кое-что перепадет.

– Может, и перепадет, – согласился Роуэн и тоже вздохнул. – И вообще, мое мнение здесь ни при чем. В этой закисшей слякотной стране все, кроме меня, относятся к клятвам, будто к байстрюкам. Раз уж я пообещал твоему отцу, что позабочусь о тебе, то нарушать слово не стану. Как ты решишь, так оно и будет.

Бершад кивнул. Он чувствовал себя неловко всякий раз, когда его единственный друг выказывал свою преданность. Роуэн душой и телом был предан отцу Бершада еще со времен баларского нашествия, но сам Бершад вроде бы ничем особо не заслужил такого отношения к себе.

– Ладно, утром разберемся, – решил Бершад. – Знаешь, ступай-ка ты отсюда. А то вдруг Эшлин расчувствуется и решит ко мне заглянуть по старой памяти...

– Ну, как скажешь, – проворчал Роуэн, завернул копейные наконечники в тряпицу и направился к двери, но у порога остановился и поглядел на кровать. – Свезло же тебе. А мне там соломы на пол навалили.

Бершад отыскал кувшин с вином и, глядя в огонь, сделал глоток из серебряной чаши. По коридорам сновали слуги. Бершад не любил скопления народа. Даже в захолустных деревеньках, вот как в Выдрином Утесе, он предпочитал напиваться в одиночестве и впервые за четырнадцать лет проводил ночь в таком большом городе, как Незатопимая Гавань. Шорохи и шумы в замке казались драконьеру шуршанием крыс.

Он опустошил кувшин, разделся догола и лег в постель. После долгих лет отдыха на твердой земле мягкость перин и подушек была какой-то чужеродной и неправильной. Бершад даже не пытался заснуть. Он знал, что сон все равно не придет. И не только из-за мягкой постели. Надо было принять какое-то решение.

В дверь постучали.

Бершад встал, натянул штаны, но так и не справился с пуговицами на рубахе.

– Да ну его нафиг, – пробормотал он и полураздетым пошел к двери.

На пороге стояла Эшлин Мальграв с мечом Бершада и охапкой свитков.

– Я не нарушила твой сладкий сон, Сайлас?

У Бершада сдавило грудь. Отчаянно захотелось сжать Эшлин в объятиях.

– Нет, принцесса.

Он провел ее в покои. Закрыв дверь.

Эшлин постояла, глядя на догорающий огонь в очаге. Тусклые угли высветили очертания тела сквозь просторное шелковое одеяние – руку, изгиб бедер.

Бершад кивнул на меч:

– Ты же знаешь, что вручать его мне – преступление.

Изгнанники лишались права на меч. Любому жителю Терры позволялось обезглавить человека с синими прямоугольниками на щеках, если у того обнаруживали стальной клинок.

– Отвергать дар короля – тоже преступление, – сказала Эшлин, бросив меч на кровать. – Я вошла в зал как раз в тот миг, когда ты готовился убить моего отца.

– Да, готовился.

Эшлин кивнула, сощуривая глаза:

– Я с ним не разговаривала десять лет. После того что он с тобой сделал, я не могла даже жить рядом с ним.

– Зато сейчас вы не разлей вода.

– Мои старшие братья погибли, – сдержанно произнесла Эшлин. – А когда умрет и он, кому-то придется повелевать Альмирой. Так что этим займусь я.

– Эшлин, – прервал ее Бершад. – Ничего страшного. Я сам озлобился почти на всех в Альмире из-за того, что со мной случилось. На Гертцога. На отца. Но больше всего – на себя. А вот тебя я никогда не винил. – Он улыбнулся, указав на окно. – Помнишь, как я взбирался на башню, к тебе в спальню?

Напряженные плечи Эшлин чуть расслабились.

– Помню, как я за тебя волновалась, – со смехом произнесла она. – Тебе смерть была не страшна, лишь бы залезть ко мне в постель. Я хотела было дожидаться тебя в верхних покоях, но решила, что ты уже не в том возрасте, чтобы карабкаться по стенам. Вдобавок нам с тобой надо поговорить. Без посторонних.

– Неужели ты улизнула от Хайден? – удивился Бершад, вспомнив, что телохранительницы в коридоре не было.

– Нет, она тут неподалеку. Научилась создавать для меня иллюзорное личное пространство. И позволяет мне утолять свои желания в те редкие моменты, когда это возможно.

– Значит, ты не в первый раз бродишь по ночам в башне?

Она взглянула на него с до боли знакомой лукавой улыбкой:

– Ты же сам сказал, четырнадцать лет – это очень долго.

– Да.

– А тебе идут татуировки... – Она приложила руку к своей щеке, туда, где изгнанникам наносили синие прямоугольники. – Повезло. Мало кого они украшают.

Бершад сообразил, что она впервые видит его позорные отметины. Как только он вернулся из Гленлокского ущелья, его схватили у ворот Незатолимой Гавани, отобрали меч, вытатуировали прямоугольники на щеках и отпустили восвояси. Никаких прощаний. Никаких последних встреч с любимой.

– Я просил зеленые, под цвет глаз, – сказал он. – Увы, не вышло.

– Синие тоже хорошо, – ответила Эшлин и потупилась.

Заметив, что она умолкла, Бершад сказал:

– Я очень расстроился, когда узнал о смерти твоего мужа.

– Вот только не надо врать, – усмехнулась Эшлин. – Хаванат был дурак и пьяница. Хорошо, что он не станет королем Альмиры.

– А по деревням судачат, что ты его убила. Папирийским заклятьем или как-то еще.

– Ну да, а еще говорят, что у тебя елдак в руку длиной. Но мы-то с тобой знаем, что это не так.

Бершад не смог сдержать ухмылки: ему всегда нравилось, что с прелестных губ Эшлин с легкостью срываются скабрёзности.

– Короче, Хаванат дважды в неделю вдрызг напивался на королевской барке. Удивительно, как он раньше не утонул.

Они поглядели друг на друга. Бершад прекрасно понимал, что она пришла убеждать его в необходимости убийства императора Мерсера, но хотел сначала просто поболтать с ней, как в молодые годы. Хотя бы несколько минут. Даже если болтовня была сплошным притворством.

– Судя по слухам, ты все еще интересуешься драконами, – сказал Бершад.

В юности они с Эшлин объездили всю Альмиру в поисках драконов. Эшлин изучала их и делала зарисовки в альбом. Бершад и Эшлин ночевали в лесу и целыми днями разговаривали только друг с другом. Эх, счастливое было время!

– На прошлой неделе мы с Хайден полдня следили за черным рогачом, – чуть улыбнувшись, сказала Эшлин. – Видели, как он боролся с соперником. Как я и подозревала, самцы

этой породы сцепляются рогами и мотают друг друга, пока один из них не признает себя пораженным.

– Странно, что король позволяет своей наследнице покидать замок и гоняться за драконами.

Эшлин пожала плечами:

– Короли выбирают, за что воевать. Да, я унаследую корону Мальгравов, прогляжу все глаза, читая свитки и карты, вытерплю бесконечные аудиенции и защищу династию Мальгравов на веки вечные. Однако никто меня не остановит, если мне вздумается отправиться на поиски драконов в окрестностях Незатопимой Гавани. Между прочим, тот черный рогач великолепно продемонстрировал превосходную функциональность костных тканей у особей этой породы.

– Да, ты изменилась, – улыбнулся Бершад. – Но не полностью.

– И ты тоже. – Она оглядела покои и добавила: – Кстати, о костях. Можно мне взглянуть? Очевидно, Эшлин тоже хотела потянуть время.

– Взглянуть на что?

– На то, что ты принес с собой. Не притворяйся, я же знаю.

Чуть помедлив, Бершад подошел к креслу, куда Роуэн положил переметную суму, вытащил из нее кинжал из драконьего клыка и протянул Эшлин. Она взвесила кинжал в руке, провела пальцем по лезвию.

– Какой породы был дракон? – спросила она, не отрывая взгляда от клинка.

– Серокрылый кочевник, самка. Я завалил дракониху в окрестностях Зеленошпора.

– Ох, сочувствую, Сайлас. Тебе же кочевники нравятся больше всего.

До того как Сайлас стал прославленным драконьером, он любил драконов не меньше Эшлин. Увы, об этом пришлось забыть, иначе было не выжить.

– Да, это был великолепный экземпляр, – прошептал он.

Эшлин печально поглядела на него:

– А как тебе удалось сохранить клык?

Бершад замялся. По правде говоря, дракониха прокусила ему живот, а клык застрял в кишках. Роуэн извлек клык, швырнул в переметную суму и заткнул рану спартанийским мхом, что спасло жизнь Бершаду. О клыке забыли и лишь неделю спустя обнаружили, что он не сгнил.

Однако если рассказать об этом Эшлин, то придется признаваться и во всем остальном. Бершад к этому был не готов.

– С большим трудом, – сказал он. – Зато теперь его невозможно повредить. Видишь, на лезвии нет ни единой зарубки или отметины.

Эшлин кивнула, понимая, что расспрашивать дальше бесполезно.

– Зато на тебе отметин много, – сказала она, рассматривая шрамы под расстегнутой рубашкой.

– Ага.

Когда Бершаду было шестнадцать, он целую неделю провел без сна на подоконнике своих покоев в замке, раздумывая, стоит ли взбираться в опочивальню Эшлин.

На этот раз он не испытывал ни малейшей неуверенности.

Он подошел к Эшлин и поцеловал ее. Провел ладонями по щекам, по черным кудрям, ниспадавшим до бедер. Он целовал ее сотни раз. Тысячи. Но четырнадцать зим и четырнадцать лет не вытравивли знакомый вкус ее губ. У Бершада задрожали руки.

Разомкнув объятия, Эшлин кончиками пальцев погладила шрамы под расстегнутой рубашкой Бершада.

– Даже не верится, что ты жив, – прошептала Эшлин. – Не верится, что этот жестокий мир позволит мне снова обнять тебя. Я так соскучилась... – Она поцеловала его шею. Скулу. Татуировки на щеках. Губы. – Мне так тебя не хватало.

– Мне тоже тебя не хватало.

Бершад погладил ей руку, помедлил у запястья. У внутренней стороны запястья, под шнурком из акульей кожи, скрывался папирийский нож длиной в палец. Эшлин обзавелась этим ножом, когда ей исполнилось десять лет.

– Ты с ним так и не расстаешься? – спросил Бершад. К кожаному шнурку добавилась странная прозрачная нить, но в остальном ни шнурок, ни нож не изменились.

– Ты же знаешь Хайден. Она утверждает, что меня легче уберечь, если я сама могу дать отпор врагам.

Бершад коснулся ее щеки:

– Воспоминание о твоих чертах я пронес через всю Альмиру. Ничего дороже у меня не было. Но сейчас оно кажется незначительным, словно я хранил гальку, притворяясь, будто она – огромный валун.

Эшлин снова поцеловала его. По ее щекам струились горячие слезы. Она легонько прикусила его нижнюю губу, как делала всегда, когда у нее не было слов, чтобы выразить свои чувства.

Наконец он высвободился из ее объятий. Притворство не имело смысла.

– Эшлин... Я понимаю, почему Гертцогу хочется, чтобы императору скормили раковину. Твой отец ни за что не потерпит измывательств над родными и близкими. А вот на тебя это не похоже. В двенадцать лет ты, чумахая девчонка, верхом на боевом коне въехала в зал, где заседал верховный совет, и потребовала, чтобы король прекратил выдавать грамоты на драконьерство в долине Горгоны, потому что в тот год убили слишком много речных кикимор. А теперь ты жаждешь смерти императора. Почему?

– Потому что если Мерсер доживет до лета, то уничтожит всех драконов Терры.

– Как это? – удивился Бершад.

– Сейчас объясню. – Эшлин кивнула на ковер у очага, и оба уселись к огню. – Когда балары согласились приехать в Незатолимую Гавань, я сказала верховному совету, что они хотят договориться о торговом соглашении с Альмирой, чтобы наконец-то прекратить тридцатилетнюю изоляцию Баларии. Частично это было правдой. Мы с императором обсудили торговлю лесом, солью, пряностями, опиумом, драконьим маслом и сталью. Вдобавок мы обсудили кое-что еще.

Поразмыслив, Бершад сказал:

– Брачный союз.

– Верно. Мой забулдыга-муж утонул четыре года тому назад, а жена Мерсера умерла, так и не родив наследника. Вполне естественно, что нам следовало подумать о браке. Наша свадьба давала Мерсеру возможность исправить промах его отца и завоевать Альмиру без кровопролития.

– А тебе?

– Мерсер Домициан безраздельно властвует на восточном берегу Моря Душ, но я ничего не знала ни о его нраве, ни о его устремлениях, хотя неоднократно пыталась внедрить соглашения в императорский дворец. Мне нужно было узнать замыслы противника. Торговые переговоры дали мне такую возможность. Я наконец узнала, кто такой Мерсер Домициан. И меня это насторожило.

– В каком смысле?

– Зная, что мне нравится изучать драконов, Мерсер поделился со мной своими... кхм, пристрастиями. Он думал, что это подчеркнет общность наших интересов, но, насколько я могу судить, наши интересы прямо противоположны. Вот, взгляни. – Эшлин развернула один из свитков – карту, где были отмечены все драконьи логовища на восточном побережье Терры. – Уже много лет ходят слухи, что балары усиленно охотятся на драконов, чтобы обеспечить неутолимую потребность Бурз-аль-дуна в драконьем масле. Однако лишь два месяца

назад я поняла, как далеко зашло дело. Если верить Мерсеру, то с прошлого Великого перелета, то есть вот уже пять лет, в округе на неделю пути от Бурз-аль-дуна не появлялся ни один дракон. В Баларии осталось одно-единственное логовище, крупнейшее в стране. Драконы прилетают туда гнездиться. – Она указала на зеленый треугольник в восточной части карты. – Его называют Зыбучей падью. Людям туда не пробраться, потому что логовище окружено непроходимыми мангровыми лесами. Каждые пять лет туда прилетают на гнездовья тысячи драконов. Молодняк рождается летом, когда зной прогревает болота. Вот уже три года император Мерсер прокладывает тракт через мангровые леса, а еще начал производство нового типа катапульта, способных подбить дракона в полете, за тысячу локтей в воздухе. Мерсер показал мне чертежи – я даже не представляла, что в рычаге лебедки может быть столько шестеренок и болтов. Катапульти перезаряжаются с необыкновенной быстротой, с помощью механизма, работающего на драконьем масле. Впрочем, неудивительно, что в стране, где вот уже пятьсот лет поклоняются богу-машине, а не глиняным истуканам, новое изобретают быстрее. – Эшлин раздраженно тряхнула головой. – В день летнего солнцестояния, когда драконы Терры вернутся в Зыбучую падь, Мерсер окружит болота сотнями новых катапульта и перестреляет всех ящеров.

– А зачем ему разом убивать всех драконов?

– Затем, что в Бурз-аль-дуне за месяц расходуют больше драконьего масла, чем во всей Альмире – за год. Драконье масло используют для всего в городе. Мерсер изобрел новый способ перегонки драконьего масла. В концентрированном виде оно превращается в превосходное экономичное топливо, однако с каждым годом его требуется все больше и больше. Если в Зыбучей пади истреблять драконов постепенно, то запасы масла удовлетворят потребности нескольких поколений, но Мерсер хочет уничтожить их разом, чтобы обеспечить себе почти монопольное владение самым ценным товаром в мире. Тогда Мерсер сможет устанавливать цены и поставлять драконье масло на своих условиях не только империи, но и всем остальным народам Терры.

– А почему он тебе все это рассказал?

– Он полагал, что после свадьбы я точно так же поступлю с Дайновой пущей и монополия станет всеобъемлющей.

– Это ужасно.

– Да.

– А почему ты этого не сказала в зале Алиор?

– Сайлас, ты же сам не дал мне возможности ничего объяснить. Вдобавок я не говорила отцу о предложении Мерсера. Если честно, я боялась, что он согласится выдать меня замуж за императора. Да, я предложила его убить, но Гертцог счел это хорошим признаком и решил, что я стала безжалостной и жестокой владычицей, достойной унаследовать престол. Что я готова окропить клинок кровью, защищая династию Мальгравов. – Эшлин умолкла, разглядывая карту. – Для народов Терры драконы важнее войн и династических устремлений. Драконы поддерживают равновесие в нашем мире. Из-за повального истребления драконов Балария почти превратилась в пустыню. В Галамаре свирепствует голод, в Листирии тоже острая нехватка продовольствия.

– Ты не обязана помогать странам на противоположном конце Терры.

– Может, и нет, но половина альмирских драконов во время Великого перелета отправляются в баларское логовище – и серокрылые кочевники, и курносые дуболомы, и шипогорлые вердены, и призрачные мотыльки. Неизвестно, почему они предпочитают гнездиться в дальних краях, а не в Дайновой пуще, но так было всегда. По-моему, это очень похоже на то, как лососи каждое лето уходят из глубин Западного моря нереститься в речной воде.

– Эшлин, послушай... – Сглотнув, Бершад продолжил: – Я знаю, что тебя волнует судьба драконов, но ты все-таки наследница альмирского престола, и тебе следует оберегать альмирцев, а не гигантских ящеров.

– Я и оберегаю своих подданных.

Эшлин развернула еще один свиток, с нарисованной ею собственноручно картой восточной Альмиры.

– Ты только что вернулся из Выдрин Утеса, верно?

– Ага.

Она указала деревню на карте.

– А ты заметил, что на берегах реки слишком много глиняных истуканов?

– Не помню. Меня больше занимал шипогорлый верден, которого я должен был убить по приказу твоего отца.

– Так вот, их там полным-полно. Жители Выдрин Утеса лепят их без устали, потому что вот уже пять лет в окрестностях царят голод и болезни. – Эшлин указала на четыре деревни выше по течению. – И с каждым днем заразный недуг распространяется все дальше. Через несколько месяцев зараза придет в Выдрин Утес.

– А при чем тут драконы?

Эшлин накрыла карту ладонью:

– Для серокрылых кочевников провинция Блакмар издавна служила охотничьими угодьями, но мой отец пригласил с отцом Креллина Нимбу. Во время баларского нашествия они сражались бок о бок. Поэтому Гертцог вот уже много лет посылает туда драконьеров. За последние два десятилетия в этом районе уничтожено тридцать кочевников.

Бершад кивнул. С начала своего изгнания он убил одиннадцать кочевников, но уже давно не получал грамот на драконьерство в северных краях.

– Теперь там кочевников нет вообще.

– Они сообразили, что к чему, и покинули провинцию, – сказала Эшлин. – К великому огорчению рода Нимбу. Правители Блакмара собрали столько драконьего масла, что могли бы стать богатейшим семейством в Альмире, но вместо этого спустили все деньги на драгоценные камни для украшения глиняных божков. Глупо. – Она покачала головой. – Как бы то ни было, серокрылые кочевники – единственные хищники в этом регионе, представлявшие угрозу для альмирских черных медведей. Теперь, когда медведям больше не нужно прятаться в чаще всякий раз, как над речной долиной мелькнет драконья тень, они каждый год отъезжают перед зимней спячкой и за две осени уничтожили все поголовье выдр. В реке выдр почти не осталось.

– А при чем тут люди?

– Сейчас объясню. Выдры питаются рыбой. Насекомыми. Червями. В общем, чем придется. – Эшлин облизнула губы. – А еще красными улитками-катушками, которые водятся только в этой провинции. Улитки ядовиты для всех живых тварей, кроме выдр. Когда выдры исчезли, улитки начали бесконтрольно плодиться. К северу от Выдрин Утеса их так много, что по их раковинам можно перебраться через реку, будто по мосту. В небольших дозах яд не смертелен для людей, но его постоянное употребление вызывает сыпь, чирьи, судороги и галлюцинации. – Эшлин снова указала на поселения к северу от Выдрин Утеса. – И вот уже пять лет именно такие хвори домогают жителей местных деревень. Я заставила Нимбу нанять алхимика, чтобы тот отыскал противоядие, но пока что все его старания так же безуспешны, как попытки остановить прилив веслом. В северных деревнях от помощи алхимика отказались – там надеются, что глиняные божки спасут от лесных демонов. Впрочем, даже если бы они согласились, никакой помощи он предложить не смог бы. Мастер Моллеван вот уже пять лет безуспешно ищет противоядие.

Бершад решил покамест не говорить Эшлин о гибели ее алхимика. Лучше как-нибудь в другой раз.

– Если альмирские драконы этим летом улетят в Баларию и не вернуться, то во всех городах и селениях Альмиры произойдет то же самое. А в Дайновой пуще будет хуже всего.

– Почему? – спросил Бершад.

– Потому что это уникальные джунгли. Корни дайновых деревьев образуют единую подземную систему, которая простирается на многие лиги. Корневая система поражена белым плесневым грибом, однако деревья не погибают – курносые дуболомы обгладывают ядовитую плесень с древесных корней, поскольку она прочищает хронически забитые носовые пазухи этих драконов.

Бершад почесал подбородок:

– Значит, если дуболомы не вернуться, то...

– Тысячи лиг заповедных джунглей сгниют на корню. А потом первый же сезон дождей размочит почву и превратит все в грязевую хлябь. Погибнут тысячи людей. И через несколько лет на месте Дайновой пуши будет безжизненная пустыня.

Бершад рассматривал карту на полу. Один участок карты был помечен большим красным кружком, а на полях виднелись какие-то записи о призрачных мотыльках. Эшлин потеряла край карты, но не стала ничего объяснять.

– И откуда ты знаешь, что убийство Мерсера поможет все это предотвратить? – спросил Бершад. – Если уничтожение драконов приносит немалые деньги, то следующий баларский император наверняка задумает то же самое.

– Вполне возможно, – согласилась Эшлин. – Но смерть Мерсера приведет к кризису баларского правительства. Ганон, младший брат Мерсера и его преемник, слишком юн и глуп. Его больше занимают роскошные празднества, устраиваемые в честь Этерниты, баларской богини времени. Перевозка катапульта в драконье логовище – дело непростое и затратное, требующее массовых усилий и поддержки баларских государственных чиновников. Так что этим летом Ганон не успеет ничего организовать, даже если бы и задумал продолжить начинание брата. Мы выиграем время. Драконы вернуться с зимовий в Терру, прежде чем Балария оправится от гибели Мерсера. А следующий Великий перелет будет только через пять лет.

В юности Эшлин всему на свете предпочитала книги и смущалась, приказывая конюхам оседлать коня... А теперь, не моргнув глазом, повелевает убить императора. За прошедшие годы она очерствела.

– Похоже, ты абсолютно все продумала.

– Абсолютно все продумать невозможно, но теперь я понимаю, что происходит в мире. – Она сделала шаг к Бершаду. – Драконы – опасные хищники. Однако же они не только пожирают стада, но и влияют на окружающее их царство растений и животных, включая самих альмирцев. Без драконов естественный порядок нарушится. Все вокруг – и выдры, и ряска, и леса – зависит от существования драконов. Если Мерсер исполнит свой замысел, то начнутся хвори и голод. Долина Горгоны превратится в ядовитое болото. Дайновая пуца станет безжизненной пустыней. А ты можешь помочь мне остановить все это.

Бершад сжал кулак. Потом раскрыл ладонь. Несколько часов тому назад он был готов расстаться с жизнью в пиршественном зале, залитый кровью короля и пронзенный двадцатью пятью мечами. Как быстро все меняется!

– Я верю тебе, Эшлин. Извини, что я так дурно вел себя. Я ошибся, думая, что ты изменилась. – Он помолчал, подбирая слова, чтобы лучше объяснить свой внутренний разлад. – Видишь ли, изменился я сам. – Бершад закатал рукав. – Я своими руками убил шестьдесят шесть драконов. Четырнадцать лет я только и делал, что скитался и убивал. Исчезло все то, что с детских лет связывало меня с драконами. Я растратил все свои убеждения. И все то, что ты во мне любила, давным-давно рассыпалось прахом. Я больше никому не могу помочь.

Эшлин внимательно рассматривала его татуировки, скользила взглядом по карте шрамов на руках, на груди и на животе.

– Сайлас, тебе пришлось совершить немало дурного, чтобы выжить. Я тебя не виню. Но эти поступки не определяют твоего характера. Мой отец стар и болен. Он скоро умрет. И что ты будешь делать после этого? Кем станешь?

Бершад так долго жил исключительно ненавистью к Гертцогу, что уже не помнил, кто он на самом деле. И вспоминать не хотел.

– Не знаю.

Эшлин свернула свиток, отложила его в сторону.

– Твой отец грозился убить Роуэна и Альфонсо, если я откажусь, – вздохнул Бершад. – Что ты задумала?

– В порту Незатопимой Гавани стоят два корабля. Один завтра отправляется в Галамар. А вот другой... Вы с Роуэном и ваш ослик можете немедленно отправиться на нем в плавание через Великий Западный океан, за пределы Терры.

Бершад опешил.

– Путешествие через океан куда опаснее дороги через Вепрев хребет, – продолжила Эшлин. – Но это путь к свободе. Там, на дальнем океанском берегу, синие татуировки изгнанника ничего не значат. Там на них никто не обратит внимания.

Не нужно было объяснять, что Эшлин он больше никогда не увидит.

– Мне нужна помощь, Сайлас. Но я не хочу взваливать на тебя еще одну заботу. Твоих тягот на десяток жизней хватит. Ты давным-давно искупил свои грехи за то, что случилось в Гленлокском ущелье. Если ты покинешь Альмиру, мне тебя будет очень не хватать, но я пойму и приму твое решение.

У Бершада пересохло во рту. Он тяжело сглотнул:

– Ну, не знаю... Все эти годы... все, что делал я... все, что сделали со мной... вряд ли я смогу вернуться к той жизни, которой нас лишили. Хотя мне этого очень хочется... – Он осекся, не в силах найти слов.

– Не обязательно знать наверняка, – сказала Эшлин. – А решение можно принять позже. У нас еще есть время. – Она коснулась его татуированной руки, сплела его пальцы со своими. – И что бы ты ни решил, кое-что не терпит до восхода солнца.

Она притянула его к себе и обняла. Крепко поцеловала, снова прикусила ему нижнюю губу. Они стояли, впитывая тепло тел. Бершад чувствовал, как бьется сердце Эшлин. Ее рука скользнула по его груди и животу, к поясу штанов, затеребила завязки. Он стянул шелковое платье к ее талии, упал на колени и сдернул одеяние на пол. Погладил бедро Эшлин, ощутил жар у нее в паху. До кровати они так и не добрались, упали на мягкий ковер у камина. Как в добрые старые времена. Провалились друг в друга.

Потом Эшлин, закрыв глаза, лежала у него на груди. Крошечная родинка на левом веке Эшлин была знакома Бершаду с их самой первой ночи. Больно было видеть ее снова. Он с легкостью воссоздавал в памяти их прошлую жизнь, полную смеха и наслаждений, но вернуться к ней было невозможно.

Бершад коснулся запястья Эшлин, обвитого полупрозрачной нитью. Странное украшение выглядело лишним на обнаженном теле.

– Что это? – спросил он.

Эшлин села, потерла левое запястье правой рукой:

– Это моя забота, а не твоя.

– Эшлин!

– Поверь мне, Сайлас, если потянуть за эту ниточку, все усложнится еще больше.

– Я давно уже верю только Роуэну и Альфонсо, – помолчав, заметил Бершад.

– Вот и хорошо.

Эшлин перекинула через него ногу, уселась ему на живот. Бершад ощутил влажный жар ее промежности. Эшлин недоуменно поглядела на шрам, пересекавший бок Бершада, – след раны, нанесенной кочевником.

– Это же смертельное ранение!

Это и еще два десятка подобных.

- Ты уклоняешься от ответа.
- Да, и вполне сознательно.
- Ты гораздо наблюдательнее других, которые видели меня в таком положении.
- Значит, баронесса Умбрик плохо разбирается в анатомии?
- Откуда ты о ней знаешь?
- Соглядатаи донесли, – сказала Эшлин.
- Правда, что ли?

– У отца войско, у меня – соглядатаи. Даже в разлуке я хотела все о тебе знать. Мне много о чем рассказывали... По большей части о драконах, которых ты убил, и о знатных дамах, которых ты обесчестил. Но до меня доходили и слухи о твоей способности исцеляться от смертельных ран. Мои доносчики полагают, что это пустые рассказы невежественных крестьян. А вот я так не считаю. Что происходит, Сайлас?

– Это моя забота, а не твоя, – ответил он.

Если Эшлин не раскрывает своих секретов, то и он не станет делиться своими.

– Что ж, тоже верно. – Она задумчиво провела пальцем по шрамам. – Может быть, к нашей следующей встрече мы с тобой освободимся от груза забот.

– Может быть, – ответил Бершад.

Она ласково коснулась татуировки на его щеке:

– Как бы там ни было, мои чувства к тебе останутся неизменными. Я люблю тебя, Сайлас.

И всегда любила.

Бершад погладил ее бедра, обхватил ладонями за талию.

– Я тоже люблю тебя, Эшлин. И всегда любил.

Она наклонилась и поцеловала его, крепко и горячо. Ее соски скользнули по его груди. Эшлин прильнула к нему всем телом, улыбнулась, ощутив, что в нем снова вспыхнула страсть, и вобрала его в себя.

– Даже не свободные от забот, мы с тобой еще на кое-что способны.

Потом они лежали в кровати, слушая, как потрескивают угольки в камине. Бершад рассматривал свою татуированную руку.

Он ощущал аромат Эшлин на своей коже, чувствовал ее вкус на губах. Только сейчас Бершад осознал, как бережно хранил воспоминания о ней. Он запрятал их в самый сокровенный уголок и не заглядывал туда четырнадцать лет.

А теперь, когда воспоминания вырвались на свободу, он не хотел с ними расставаться.

Еще недавно он готов был пойти на смерть, лишь бы разделаться с Гертцогом. Он даже не мечтал о корабле, который навсегда увез бы его из Терры. Но Эшлин для него была дороже мести, дороже свободы, дороже еще нескольких лет жизни. Если спасти свою разрушенную жизнь можно, лишь отказавшись помочь Эшлин, то жить ради этого не стоит.

– Я согласен, Эшлин. Я отправлюсь в Баларию.

Она повернулась к нему:

– Правда?

– Да.

Бершад притянул ее к себе и страстно поцеловал, стараясь навсегда запомнить прикосновение ее тела.

А потом, когда за окнами вспыхнула алая полоска зари и море под стенами замка заполыхало оранжевыми отблесками, пришло время расставаться.

– Мне очень хочется остаться, – вздохнула Эшлин. – Но...

– Но нельзя, – закончил за нее Бершад. – Ничего страшного. – Он сел в постели. – Расскажи, что ты задумала.

Эшлин встала, подобрала с пола платье, расправила его.

– В порту тебя ждет корабль «Люмината». Капитан – папириец, ему можно доверять. Трое твоих спутников уже на борту. Одна из них – папирийская вдова, Вира Цзинь-сун Ка.

– Вдова? – переспросил Бершад. – Они всегда привлекают к себе излишнее внимание, сама знаешь. Черный доспех и все такое.

– На себя посмотри. Синие татуировки и все такое, – возразила Эшлин. – Вира – телохранительница моей сестры. Она намерена вызволить Каиру из плена. Ей можно доверять. Твой второй спутник – Йонмар, младший сын Элдена Греалора. У него есть письменное разрешение на драконьерство, выданное бароном Корниша. Оно позволяет тебе законным образом войти в Галамар. А еще он поможет тебе перебраться через баларскую границу.

– И для этого нужен Греалор?

– Я хотела сама все устроить, но Греалоры, торгуя ценной древесиной, обзавелись хорошими связями в Таггарстане. Вдобавок мой отец согласился отправить тебя за границу только под присмотром одного из своих прихлебателей.

– Если б я хотел сбежать, то давно бы улизнул.

– Как бы там ни было, отец настаивал на этом условии, и мне пришлось согласиться. Так что Йонмар – неизбежное зло. Гертцог выдал дорожные грамоты на его имя. Без Йонмара ты не пройдешь ни в Галамар, ни в Баларию.

– А кто третий?

– Некий уроженец Бурз-аль-дуна. Вот ему я точно не советую доверять.

– Это еще почему?

– Сам поймешь, секунды через три после знакомства. – Помолчав, Эшлин добавила: – Сайлас, никто из твоих спутников не знает, зачем я отправила тебя в Баларию. Постарайся сохранить это в тайне, чтобы тебя никто не выдал, даже по случайности.

Бершад понимающе кивнул.

Эшлин натянула платье через голову и стала завязывать ленты пояса. Бершад смотрел, как она одевается, и наслаждался еще одним хорошо знакомым зрелищем из прошлого. Ему нравилось наблюдать, как ловкие пальцы Эшлин справляются с крошечными пуговками застежки на боку платья.

– А что ты будешь делать, если я провалю задание? – спросил Бершад.

Пальцы Эшлин замерли. Она молчала.

– Если тебе так важно остановить императора, вряд ли ты отрядишь для этого всего пятерых человек и осла, – продолжил Бершад. – Вот я и спрашиваю, что произойдет, если нас всех убьют.

– После вашего отъезда я созову войска, – не оборачиваясь, ответила Эшлин. – И если вы провалите задание, то пойду войной на Баларию.

Бершад удивился, хотя и понимал, что удивляться нечему. Эшлин ясно дала понять, что готова на все, лишь бы защитить драконов Терры.

– Только не начинай воевать, пока точно не удостоверись в моей гибели, – сказал Бершад.

– Я не стала бы отправлять тебя на это задание, если бы думала, что у тебя ничего не выйдет, – сказала Эшлин. – Ты убил множество драконов, так что убийство императора для тебя – плевое дело. – Она поправила воротник платья. – А когда вернешься, я верну тебе твои родовые владения – Дайновую пуцу.

– А как же Греалоры?

– С ними я разберусь. Сайлас, там, в джунглях, кое-где уцелели ягуары. Жизнь, которой тебя лишили, еще можно вернуть.

Бершад задумчиво потер шрам на предплечье.

– Эшлин, мне не место при дворе. Мне претят предательства и нарушенные клятвы, обман и ухищрения. Тебе, может, и удалось приспособиться ко всему этому, но я не могу.

Поэтому и случилось то, что произошло в Гленлокском ущелье. Честно говоря, мне тошно проводить время за каменными стенами.

Эшлин обернулась к нему:

– Когда ты окружил Змиерубов в Гленлокском ущелье, я помню, как в Незатопимую Гавань приехал страж со срочным донесением от тебя. Мой отец послал тебе ответ, и на следующий день ты ринулся в битву. Я так и не узнала, что тебе ответил Гертцог.

– Это не имеет значения. Что сделано, то сделано, – вздохнул Бершад. – Я помогу тебе, Эшлин, но к прежней жизни не вернусь.

– А тебе и не придется. Я не похожа на отца. Мне все равно, как ты будешь править Заповедным Долем. И в королевский замок я тебя призывать не стану. – Она взяла его за руку. – Зато буду приезжать к тебе в гости.

Бершад легонько сжал ей пальцы и выпустил ее ладонь. Ему хотелось вернуться в джунгли Дайновой пуши, где в густых кронах таились ягуары, не меньше, чем ему хотелось быть рядом с Эшлин. Вот уже много лет это было невозможно. А теперь у него появилась надежда.

– Нет, мне придется приехать в королевский замок, – сказал он. – Привезти домой твою сестру.

Эшлин улыбнулась сквозь слезы.

– Я буду ждать, – сказала она.

Оставшись в одиночестве, Бершад с мечом на коленях сидел у окна, слушал плеск волн и глядел на разгоравшийся рассвет, перебирая в памяти все злодеяния, совершенные с клинком или с копьем в руках. Простятся ли они ему, если он убьет императора?

Так или иначе, но Бершад снова погрузился в океан мировых интриг.

И теперь надо было как-то удержаться на плаву.

5 Гаррет

Альмира, город Глиновал

В Глиновал Гаррет добрался ближе к ночи. Альмирцы не любили выдумывать звучные имена, и небольшой городок назвали так из-за земляного вала, с незапамятных времен окружавшего поселение. Вал, не укрепленный современными нововведениями типа каменной кладки, сохранял первозданный вид – стена утрамбованной глины вперемешку с прутьями и листвой уходила на тридцать локтей в высоту.

Трактирщик был прав, говоря, что в Глиновале худо. Стену испещряли свежие выбоины, оставленные ядрами катапульта.

Даже в темноте под стенами можно было разглядеть очертания воинских шатров. Гаррет насчитал четыре ряда. Через каждые пятьдесят шагов были установлены горящие светильники, и у каждого стояли на посту по двое караульных. Вдали, за полями, виднелись шатры и огни другого войска. Судя по всему, силы противников были равны. Не осада, а затянувшееся ожидание – кто первым решится напасть.

Странные они, эти альмирцы.

За земляным валом торчали черепичные крыши домов, расположенных концентрическими кругами, а в центре городка высилась крепость, вполтину выше вала. В крепости и находился барон Тибольт.

Гаррет отыскал укромный уголок в сотне шагов от тракта и занялся подготовкой. Он достал из котомки мешочек восковой замазки, смочил ее водой из лужи, хорошенько размял и начал лепить себе новое лицо.

Даже в глуши преступника легко отыскать по описанию. Рост, цвет волос, форма подбородка или приметная родинка – все это может стать причиной ареста и немедленной казни, пусть даже злодею удалось сбежать за пятьдесят лиг от места преступления. Гаррет вылепил себе мощный подбородок с ямочкой, тяжелые надбровные дуги и крупный кривоватый нос со следами многочисленных переломов. Остатки замазки он растер по всему лицу, чтобы сровнять цвет кожи. Из чужака с тонкими чертами лица и пронизательным взглядом он превратился в уродливого, дочерна загорелого альмирца.

Оставалось только обзавестись солдатским мундиром. Легче всего украсть одежду у того, кто спит или трахается. Борделя в окрестностях не было.

А вот где располагался сральник, легко было догадаться по жуткой вони. Гаррет осторожно двинулся на запад. По обоим концам глубокой канавы стояли светильники, но караульных рядом не было. Гаррет хорошо знал, что отхожие места охраняют редко.

На дальнем краю канавы очень кстати оказался пригорок. Там Гаррет и спрятался, между кустом и валуном. Из котомки он вытащил пеньковую веревку, быстро соорудил удавку и при-

нялся ждать. Первые посетители сортира, четверо солдат, были вполне себе трезвые, так что Гаррет не стал высовываться из укрытия. Спустя полчаса к канаве подошел, нетвердо ступая, какой-то подвыпивший боец. Гаррет взял удавку наизготовку.

Боец стянул штаны и раскорячился над канавой.

Пока он справлял свою великую нужду, Гаррет терпеливо выжидал, не желая перемазаться дерьмом, но, едва солдат взялся за штаны, ловким движением накиннул удавку ему на шею и коротким рывком затянул узел. Потом, для упора расставив ноги пошире, Гаррет что было сил потянул веревку на себя, и поскольку стоял на пять локтей выше канавы, то бедолага в приспущенных штанах взмыл вверх и перелетел через нее прямо в кусты.

Его сапоги так и остались стоять на противоположной стороне отхожей канавы.

Полузадушенный солдат с тихим свистом пытался втянуть в себя воздух. Гаррет торопливо огляделся, не заметил ли кто ночной полет. Все было тихо.

Наконец лицо солдата побагровело, а грудь перестала судорожно вздыматься. Гаррет переделался в снятые с трупа одежду и доспехи, подвесил к поясу меч в ножнах. Одежка пришлась впору, а вот меч был не сбалансирован, со скользкой рукоятью. Гаррет спрятал свои пожитки в котомку и вскинул ее на плечо. Разумеется, котомка могла его выдать, потому что альмирцы такими не пользовались, но возвращаться за нею было гораздо большим риском. Накрыв труп незадачливого солдата толстым слоем листвы и дерьма из отхожей канавы, Гаррет перескочил через нее и, пьяно пошатываясь, взобрался на холм, точь-в-точь как тот, кто несколько минут назад пришел сюда поспать. На вершине холма, у светильника, стояли несколько караульных – двое из них наверняка должны были охранять отхожее место.

– А чего это ты так долго? – спросил один у Гаррета.

– Что, с говном расставаться не хотелось? – съязвил другой.

Гаррет притворно споткнулся и упал на четвереньки, чтобы караульные не разглядели его лица.

– Да у меня от похлебки все кишки скрутило, – пробормотал он, подражая выговору караульных.

– Ага, похлебка виновата, как же! Хоть бы раз признался, что вылакал десять рогов эля, – сказал третий. – Вали отсюда, пока тебя в таком виде не застукали. Не то попадешь под розги, а Раймиер спустит с тебя шкуру. С него станется, ты же знаешь.

Гаррет кивнул, зная, что в каждом отряде всегда есть сволочной офицер, и с напускным испугом посмотрел по сторонам:

– А что, Раймиер в лагере?

– Не-а, он пошел в крепость, отнести Тибольту украшения для изваяния.

– Тибольт сегодня еще одно лепит? – спросил один из караульных.

– А то! Он велел Раймиеру взять по пуговице у каждого, кто в сегодняшней стычке уложил противника. Так что, клянусь первенцем, изваяние будет изукрашено богаче папирийского фрегата.

– Да ну, эти знатные сволочи вечно все усложняют.

– А зачем ему понадобилось новое изваяние? Мы же вчера Хрилианову катапульту сожгли!

– Ага, а потом два десятка бойцов сложили головы, гоняясь за противником по лесу. Сказать по правде, я и не думал, что у Хрилиана такие отважные воины. Наверное, он пригласил еще один отряд наемников – воинство Уоллеса, или как его там. У него все такие волки зубастые.

– Ну да, те еще отморозки. До сих пор рыскают по лесу. – Караульный с опаской посмотрел на шатры противника. – А в крепости сейчас тепло...

– Нам в крепость пока ходу нет. Вдруг Хрилиан выкатит еще одну катапульта? – Приятель хлопнул караульного по плечу. – Не трусь, вот Тибольт вылепит божка, и все будет хорошо. Раз уж ему понадобились пуговицы, то завтра можно не надевать доспехи, зуб даю.

Все расхохотались.

Гаррет под шумок улизнул к шатрам Тибольтова войска и, свернув за угол, превратился в бравого (и трезвого) посыльного с важным поручением. У каждого шатра торчали глиняные фигурки, утыканные обломками железа – очевидно, на удачу в бою.

В шатрах отдыхали солдаты – кто спал, кто играл в карты или в кости, кто пил эль из огромных рогов. В шатре побольше три обозные шлюхи развлекали одного бойца. Точнее, шлюхи лежали голышом на плетеной подстилке, а боец, повернувшись к ним задом, лепил глиняную бабу с громадными сиськами и почему-то с яблоками в шевелюре.

– Гунтер, ну чего ты там возишься? – окликнула его одна из шлюх. – Нам еще других сержантов ублажать!

– Да погоди ты! – ответил он, вдавливая в глину очередное яблоко. – Все должно быть по правилам.

Гаррет шагал мимо шатров и караульных у светильников, деловито направляясь к крепостному валу. На ходу он достал кошель, снятый с убитого солдата, вытряхнул его содержимое в грязь и всыпал в кошель горсть пуговиц, сорванных с мундира.

Никто из солдат не обращал на Гаррета внимания. Его остановили только у дубовой двери на массивных железных петлях, врезанной в земляной вал. Один караульный загородил собой дверь, а второй сделал два шага к Гаррету.

– Тебе чего? – спросил первый.

– Да тут Раймиеру надо кое-что передать, – ответил Гаррет, показывая караульному кошель.

Стражник прищурился:

– А на фига Раймиеру твой кошель?

– В нем не деньги, а пуговицы. Раймиер велел собрать пуговицы у всех, кто сегодня отличился в бою, а сержант только сейчас успел. Вот и отправил меня к командиру Раймиеру, строго наказал передать лично в руки.

– А у нас приказ до утра никого не пущать, – рявкнул караульный. – Кто у тебя сержант?

– Гунтер, – сказал Гаррет. – Наши шатры у самого сральника.

Первый караульный сморщил нос и вздохнул:

– Вот я так сразу и почувал, что у сральника... А про Гунтера не слыхал. – Он повернулся к напарнику: – Ты такого знаешь?

– Да, знаю. Только он сегодня в лагере отсиживался. С какого перепугу ему понадобилось собирать пуговицы для Раймиера?

– А хрен его знает, – пожал плечами Гаррет. – Мне что прикажут исполнять, то я и исполняю. Раз Тибольту нужны пуговицы, вот они, родимые. А прикажут волосатый елдак ощипать, значит будем ощипывать.

Караульный хохотнул. Так оно везде: самый легкий способ втереться в доверие к страже – обхаивать начальство.

– Ладно, проходи, только поторапливайся. Раймиер уже ушел в крепость. Они скоро начнут.

Стражник отступил от двери и кивнул напарнику. Второй караульный с сомнением поглядел на Гаррета, но все-таки отомкнул замок тяжелым медным ключом и распахнул створку двери.

Гаррет отдал честь караульным и вошел в туннель под земляным валом. Пятнадцать ярдов пришлось шагать в холодной сырой темноте. Наконец Гаррет вышел в Глиновал, на улицу, ведущую к крепостной башне, и невольно усмехнулся. Пробраться в осажденный аль-

мирский город оказалось легче легкого. А вот для того, чтобы проникнуть на папирийскую заставу, потребовался месяц. В мирное время.

На пустынных улицах Гаррету встретились лишь несколько бойцов. Все окна в домах закрыты ставнями. Нигде ни огонька, ни свечного пламени. Двери наверняка заперты на все засовы. Что ж, оно и понятно. Город на осадном положении, в нем полным-полно солдатни, жители предпочитают не высовываться на улицу. Так оно везде.

На ходу Гаррет внимательно разглядывал крепость. Видно было, что строили ее без особого старания – небрежная каменная кладка, просевшие карнизы, шаткие подпорки. Вскарabкаться по стене не составит особого труда. Три верхних этажа башни залиты оранжевым светом. За окнами мелькали тени. Очевидно, там готовились к ритуальному освящению божка. Гаррет не знал, как именно это происходит, но шумное собрание было ему на руку.

Из таверны напротив крепости доносились пьяные выкрики, стук игральные кости и громкие песни гуляк. Гаррет сделал вид, что направляется туда, и тут же украдкой свернул в ближайший переулок. Вдоль стены таверны тянулся вертикальный водосток – толстая труба из обожженной глины. Гаррет обхватил ее обеими руками, взобрался на крышу и огляделся по сторонам.

С крыши таверны, в тридцати локтях над землей, запрыгнуть на стену башни было вполне возможно, хотя и сложновато. Гаррет еще раз проверил, выдержит ли крыша его вес, пару раз присел, разминая ноги. Как только гуляки в таверне завели новую песню, он с разбегу подпрыгнул как можно выше и ухватился за подоконник второго этажа.

На миг Гаррет завис неподвижно и прислушался. Очевидно, его не заметили и не подняли тревогу. Немного выждав, он начал карабкаться по стене. На это ушло немало времени, потому что выступы в каменной кладке не располагались один над другим. На пути к верхним этажам Гаррету приходилось смещаться чуть влево, словно охватывая башню витком широкой спирали, хотя в целом строители крепости весьма облегчили его задачу.

Чем выше он подбирался к вершине башни, тем громче становился шум веселой пирушки. За окнами били в барабаны и звонко хохотали. На четвертом этаже Гаррет высунул голову из-за подоконника, быстрым взглядом окинул зал и пополз выше по стене.

Десять мужчин и десять женщин, все в шелковых одеяниях и лисьих масках. Наверное, супружеские пары, вассалы барона Тибольта. Два стражника замерли у входа. Гаррет мельком приметил, что еще двое расхаживали по залу, а значит, вооруженной охраны было больше четырех человек. Длинный стол ломился от яств и кувшинов с вином или элем. Гости веселились и пировали напропалую, а вот барон Тибольт отсутствовал.

Безусловно, гораздо проще было бы отравить его настойкой паслена, которая подействовала бы через пару дней. У Тибольта разболелась бы голова, он лег бы спать и наутро не проснулся бы. Чистая работа. Безупречная.

Но у Гаррета был иной приказ.

На пятом этаже было тихо. Из окон веяло запахом опиума. Наверное, именно здесь расположены покои Тибольта. Гаррет осторожно заглянул в окно и увидел двоих.

Посреди комнаты стоял воин в полном боевом облачении, но без маски. В кресле перед ним сидел человек в черном одеянии и лисьей маске со сверкающими желтыми глазами и остроконечными ушами. В руке он держал какой-то инструмент, напоминающий мастерок каменщика. Несомненно, это и был барон Тибольт.

Оба они рассматривали изваяние. Оно вовсе не походило на то, которое лепил в шатре сержант. Статуя в человеческий рост имела типично женские формы и с ног до головы была покрыта лазурными перьями сиалии; распростертые руки напоминали огромные крылья. Бесчисленные драгоценные камни среди перьев посверкивали в пламени свечей.

– Мой господин, я принес пуговицы, – сказал воин.

Раймиер.

– Хорошо. Дай сюда! – Тибольт, не сводя глаз со статуи, повелительно протянул руку.

Раймиер отдал пуговицы, и Тибольт вдавил их в глазницы изваяния, на место сосков и пупка. Оставшиеся пуговицы он пристроил в пах статуи.

– Вот и все, – сказал Тибольт, отшвырнув мастерок. – Теперь должно хватить.

– Мой господин, позвольте удалиться, – сказал Раймиер. – Мне нужно подготовить людей. На рассвете мы выходим в лес зачищать силы противника.

– Ступай. И скажи остальным, что можно начинать.

Раймиер ушел, а Тибольт опустился на колени перед изваянием, спиной к окну, за которым пристроился Гаррет. Снизу доносились напевные звуки каких-то гимнов. За шумом гости не услышат, что происходит этажом выше. Гаррет невольно улыбнулся. Прекрасно.

Он по-кошачьи скользнул в приоткрытое окно и, прячась в сумраке, подобрался за спину Тибольта, который быстро и неразборчиво бормотал какую-то молитву.

Гаррет подхватил с пола мастерок.

Тибольт призывно воздел руки:

– О богиня лесов и небес, молю тебя о помощи. Яви врагов моих в свете дня, направь мечи моих гвардейцев, дабы они...

Гаррет стремительно зажал рот Тибольта ладонью, вонзил ему в горло мастерок, дождался, когда барон истечет кровью, и оттолкнул тело на пол.

Мастерок остался торчать в горле Тибольта. Гаррет вытер окровавленные руки о шелковое одеяние альмирского барона и ушел тем же путем, что и пришел.

Из города Гаррет выбрался задолго до рассвета. Он уверенно направился к городским воротам, приветственно помахал четверым стражникам и покинул Глиновал.

Задерживаться в окрестностях города не стоило. Опасность еще не миновала. Когда труп Тибольта обнаружат, поднимется переполох. Начнутся расспросы. Если кто-то из караульных вспомнит незнакомого солдата с ямочкой на подбородке, то за ним устроят погоню. С собаками-ищейками. Надо было поскорее убраться подальше.

Как только город остался за поворотом дороги, Гаррет бросился в чащу, к небольшому илистому озерцу. Он снял мундир, зарыл его поглубже в ил, вытащил из котомки дорожную одежду и торопливо натянул на себя.

За ночь маскировочная замазка затвердела и намертво присохла к лицу; пришлось минут десять смывать ее озерной водой. Гаррету осталось только очистить подбородок, как вдруг у противоположного берега что-то плеснуло. По воде широкими кругами пошла волна. Похоже, в озере водились твари побольше гигантских черепах.

Гаррет схватился за охотничий нож. Что-то было не так. Птичий гомон смолк, даже насекомые не жужжали.

Внезапно из озера высунулась черная морда ящера, сверкнули бритвенно-острые клыки. Гаррет инстинктивно прикрыл лицо рукой, и драконьи челюсти сомкнулись на его предплечье. Гаррет вскрикнул, выругался и пырнул ящера ножом. Раз, другой, третий.

Третий удар ножа заставил дракона чуть разжать зубы. Гаррет отшатнулся, дернул руку, обломив драконий клык, и наконец-то высвободился.

Потом схватил котомку и помчался наутек.

Шагах в тридцати от озера он оглянулся. Дракон был размером с небольшую рыбацкую лодку. Из пасти и глаза, задетого ударом ножа, сочилась кровь. Ящер не бросился в погоню, а остался на мелководье, злобно глядя на Гаррета.

Минут двадцать Гаррет несся через лес, а потом все-таки остановился на полянке, пытая и отдуваясь. Он мысленно костерил себя за глупость. В Баларии и Галамаре драконов не встретишь на день пути от людских поселений. А в Альмире драконы попадались на каждом шагу, вот как ящерицы.

Придется быть осторожнее, чтобы уцелеть в этой глуши.

Гаррет отправился на запад, к войску Хрилиана. Сегодня им предстояла битва с защитниками Глиновала, поэтому никто не обратит внимания на одинокого путника.

6 Бершад

Альмира, порт Незатопимой Гавани

Выйдя из замка, Бершад прикрыл голову капюшоном плаща, чтобы скрыть драконьерские татуировки на щеках, и вместе с Роуэном отыскал в порту «Люминату». Одномачтовое рыболовное суденышко пришвартовалось у причала между баржей-лесогрузом и галамарской карракой.

Каррака отправлялась в дальнейшее плавание по Великому Западному океану, за пределы Моря Душ. Ее трюмы вмещали запасы для полугодового путешествия сотни человек на край света, где десять лет назад открыли неизведанный материк.

Все страны Терры отправляли туда корабли в поисках новых источников природных богатств. Самыми неутомимыми искателями были жители Галамара и Листирии, где долгие годы свирепствовали засуха и голод. Мореплаватели, которым посчастливилось пересечь океан и вернуться домой, рассказывали о загадочных благодатных краях. Вода в заливах и реках была чистой и прозрачной, на морском дне в изобилии водились крабы, устрицы и мидии, бескрайние леса кишели дичью, а деревья клонились к земле под тяжестью вкуснейших плодов. И если верить слухам, по небу летали огнедышащие драконы, а в подземных пещерах обитали кланы воинственных дикарей. Несмотря на опасность, Листирия и Галамар каждый месяц отправляли туда множество кораблей.

Бершад на миг представил, что именно на этой карраке Эшлин предлагала ему уплыть на край света, но тут же отогнал непрошеную мысль. Он уже принял решение.

У трапа рыболовного суденышка их встретил низкорослый загорелый человек. Бритую голову обвивала повязка, чтобы пот не заливал глаза. Просторная красная рубаха цветом напоминала символ на корабельном парусе – алую рыбу. От улыбки лицо незнакомца покрылось паутиной морщин.

– Это вас прислала Эшлин Мальграв? – спросил он, выговаривая слова на папирийский манер.

Бершад кивнул.

– Меня зовут Ториан, – представился папириец. – А это «Люмината», на ней вы пересечете Море Душ.

– Я...

Ториан укоризненно погрозил Бершаду пальцем:

– Имен не надо. Не знаю и знать не хочу. Потом, если кто спросит, скажу, мол, пришли два типа, отсыпали звонкой монеты, попросили отвезти в Галамар. Никаких татуировок не видел. – Он снова улыбнулся. – А теперь, с вашего позволения, мы готовы отчаливать. Ваши

друзья уже на борту, вас ждут. Ослика я сам отведу на корабль и позабочусь о ваших припасах.

– Наши друзья? – переспросил Роуэн, которого Бершад не успел предупредить о новых спутниках.

Ториан с улыбкой указал на корабль:

– Там, в каюте.

Он отдал какие-то распоряжения своей команде – трое парням помоложе, в таких же алых рубахах и с повязками на головах. Бершад решил, что это сыновья Ториана.

Бершад заглянул в каюту. Там действительно ждали трое: вельможа, вдова и какой-то тип, прикованный к подпорке. Все они уставились на Бершад с Роуэном.

Вельможа – светловолосый молодой человек в синей шелковой рубахе, мягких сапогах оленьей кожи и накидке из шкуры ягуара – сидел на скамье, склонившись над картой, расстеленной на бочке. Он презрительно сощурил глаза:

– Ты – Бершад Безупречный?

Вместо ответа Бершад откинул с головы капюшон:

– А ты Греалор.

– Барон Йонмар Греалор, – медленно, будто заклинание, изрек вельможа.

Бершад поглядел на шкуру ягуара. Альмирцы постоянно украшали своих глиняных божков шкурами и костями зверей, но в роду Бершада ягуарам поклонялись. В Дайновой пуще убийство ягуара считалось преступлением, за которое карали смертной казнью.

Бершад не верил ритуалам и молитвам, поскольку от богов помощи не дождешься, но очень любил ягуаров Дайновой пущи. Накидка из шкуры ягуара привела его в ярость.

Йонмар перехватил взгляд Бершада, рассеянно потерев край шкуры.

– А, прошу прощения. Я запомнил, что твои предки поклонялись этим гнусным созданиям. Мои воины перебили столько мерзких древесных кошек, что шкуры приходится выбрасывать. – Он пожал плечами. – Места в чуланах не хватает.

– Сними немедленно, – прошипел Бершад. – Или я спущу шкуру с тебя.

– Ничего подобного, – с улыбкой заявил Йонмар. – Тебя сюда прислала принцесса Эшлин. А я здесь по поручению короля. – Он прижал руку к груди. – Дорожные грамоты выданы на мое имя, и никто, кроме меня, не сможет провести всех нас через баларскую границу. Значит, я главный. Вздумаете мне перечить, изгнанник, я заживо сварю вашего оруженосца на медленном огне. В шкуре вашего осла. И заставлю тебя смотреть. Ясно тебе?

Бершад уставился на Йонмара, размышляя, не пристукнуть ли его на месте, но вовремя вспомнил предупреждение Эшлин.

– А с чего ты взял, что сможешь провести нас через границу?

– У Греалоров прекрасные связи в Таггарстане. Но мой тамошний знакомец будет иметь дело только со мной. – Йонмар хлопнул по кожаной сумке с фамильным гербом, притороченной к поясу, и больше не стал ничего объяснять.

Борясь с желанием выбить Йонмару все зубы, Бершад повернулся к вдове, невысокой женщине с черными волосами, собранными в тугий пучок на затылке, и двумя кинжалами у пояса. Вдовы славились ловким обращением с холодным оружием и умели наносить смертельные раны даже воинам в полном боевом облачении, вскрывая вены и артерии через стыки доспешных пластин.

– Ты Вира?

– Да.

Лицо в мелких оспинах, черный доспех из акульей кожи, такой же, как у Хайден. Вблизи заметно, что акуляя кожа морщится крошечными складками, извилистыми, будто русла пересохших ручейков. Богатые торговцы и вельможи носили перчатки и сапоги из акульей кожи, оружейники использовали ее для рукоятей мечей, но только папирийские вдовы делали из нее

доспехи. Акулю кожу не вываривали, а долго дубили особыми составами, так что она становилась гибкой и мягкой. Каждая пластина доспеха плотно прилегала к телу владелицы, будто шелковое одеяние. Такие доспехи были легче металлических и прочнее обычных кожаных, а стоили вдвое дороже.

У левого бедра Виры висели три мотка пеньковой веревки, а к поясу справа крепился увесистый кожаный кошель – папирийские пращи и мешочек свинцовых шариков-пуль. Бершад ни разу не видел, как вдовы обращаются с пращой, зато слышал много рассказов.

Обычной пращой и галькой пастухи сбивали волка за сотню шагов, но это требовало большого умения. Папирийская праща была куда более действенной.

Сотни лет назад на одном из островов Папирийского архипелага обитал род отважных воительниц, хранивших в тайне свои боевые искусства. Много позже потомки воительниц стали телохранительницами королевского семейства Папирии. Праща из пеньковой веревки значительно увеличивала дальность и скорость полета метательного снаряда и по своим боевым качествам превосходила даже баларский длинный лук. Снаряды – литые свинцовые шарики – с легкостью пробивали стальные шлемы и кольчужное полотно. Пращницы могли расправиться с конным отрядом, прежде чем всадники успевали нацелить в них пики.

– Рад встрече, – кивнул ей Бершад, зная, что ее умения сослужат им добрую службу на Вепревом хребте.

Тип, прикованный к подпорке, тихонько лязгнул цепью. Его, грязного и тощего, как будто недавно вытащили из канавы.

– Значит, вы тут все знакомы между собой, – сказал он, выговаривая слова на баларский манер. – Позвольте представиться. Меня зовут Фельгор. Просто Фельгор, ни кличек, ни титулов. – Он сощурил глаза, поглядел за спину Бершаду: – А ты кто?

– Роуэн.

– Ха. А что ты делаешь?

Роуэн пожал плечами:

– Бывает, кашеварю, а бывает, что и дерусь.

Фельгор повернулся к Бершаду:

– А драк будет много?

– Если вдруг обойдется без драк, то, значит, моя жизнь радикально переменилась, – сказал Бершад.

– Хреново, – вздохнул Фельгор. – Драться я не мастак.

Бершад окинул взглядом пленника в оковах. Эшлин предупреждала, что верить ему нельзя, но не объяснила почему. Бершада это заинтересовало.

– А в чем ты мастак? – спросил он.

– Да во всяком разном. Если коротко, то я мастак влезать куда не просят и прибираться к рукам, что плохо лежит.

– Значит, ты вор.

– Точно как суд постановил. В буквальном смысле слова. Несколько часов назад я находился в каземате Незатописимой Гавани.

– Оно и видно, – проворчал Роуэн.

– Он нам нужен, – сказала Вира, заметив отвращение Роуэна.

– Зачем? – спросил Роуэн.

– Затем, что в Бурз-аль-дуне сложно пройти даже пару кварталов по улице, – пояснил Фельгор. – А уж похитить принцессу из дворца и вовсе безнадежная затея. Но у меня богатый опыт проворачивать безнадежные предприятия.

Бершад повернулся к Вире:

– А вдруг он нас предаст, как только мы доберемся до Баларии?

– Мы обсудили такую возможность, – сказала Вира, – и пришли к выводу, что в его же интересах вести себя примерно.

– Это почему же? – спросил Бершад.

– Мои соотечественники отчего-то питают ко мне неприязнь. – Фельгор растянул в улыбке пересохший от жажды рот, сверкнул очень мелкими зубами. – Меня приговорили к смерти в Баларии, Галамаре и Листирии. А теперь еще и в Альмире. Но обещают помиловать, вот как и тебя, если мы выполним наше задание. По-моему, очень выгодная сделка, а то ходить под смертным приговором как-то несподручно.

– Вдобавок, если он попытается сбежать, я ему ноги обрублю, – пообещала Вира.

– Ага, – поморщился Фельгор.

Бершад оглядел каюту. С такими спутниками он ни за что не отправился бы на опасное задание. Но выбора у него не было.

– Нашего осла укачивает, – сказал он. – Пойду-ка я за ним поухаживаю.

Он начал подниматься по трапу, но остановился на третьей ступеньке. Спутников не выбирают, а вот жить бок о бок с ними все равно придется.

– В общем, мы с вами все вместе в одно дерьмо вляпались. Накормите Фельгора и дайте ему воды, а то он до Вепрева хребта не дотянет.

7

Эшлин

Альмира, замок Мальграв

Эшлин завтракала на веранде с видом на Море Душ. Над волнами на горизонте парил дракон, волоча по воде загнутый крючком длинный хвост. Нага-душеброд. Судя по размерам, женская особь. Душеброды были редкими гостями на Атласском побережье. Забыв о завтраке, Эшлин внимательно следила за драконом. Вот нага дернула хвостом, выцепила из воды огромного марлина и метко забросила его прямо в пасть. Восьмилетней девочкой Эшлин впервые в жизни увидела, как душеброды ловят рыбу, и немедленно решила с Хайден на рыбный рынок, чтобы обмерить и взвесить марлина, а на основании полученных данных рассчитать размеры и вес дракона.

Эшлин коснулась полупрозрачной нити на запястье. Сайлас верно заподозрил, что это не просто украшение. Эшлин рассказала бы ему всю правду, но не хотела преждевременно раскрывать свой замысел. Она посвятила свою жизнь изучению загадок природы и выявлению связей между драконами и людьми и обычно не стремилась держать свои открытия в тайне, особенно от Сайласа, однако же сейчас это было жизненно необходимо для защиты будущего Альмиры.

Утром отец призвал к себе Эшлин и Элдена Греалора. Позавтракав, Эшлин в сопровождении Хайден отправилась в тронный зал башни Короля, где уже восседал Гертцог, кутаясь в огромную медвежью шубу, хотя утро выдалось теплым и солнечным. У стен зала замерли гвардейцы Мальграва.

Как только Эшлин заняла свое место рядом с отцом, он кивнул стражам у двери, и в залу вошел Элден Греалор.

– Мой государь! – Элден опустился на колено перед тронном, склонил тяжелую голову с редющей седой шевелюрой, откинутой с выпуклого лба; в длинные тонкие косицы было вплетено множество медвежьих когтей, а с пояса свисал тотемный кошель, набитый украшениями для глиняных божков. – Ах, принцесса Эшлин! Как я рад тебя видеть. Даже солнце меркнет в сиянии твоей красоты.

Эшлин благосклонно улыбнулась, хорошо помня, что альмирские вельможи не уделяли ей никакого внимания, когда она была не первой, а всего лишь третьей среди наследников престола. Мужчинам всегда недоставало воображения, и они не могли представить себе, что будущее может разительно отличаться от настоящего.

Когда Леона Бершада казнили, а Сайласа отправили в изгнание, Гертцог, желая уничтожить всякую память о роде Бершадов, объявил Заповедный Дол и всю провинцию Дайновая пуща главным призом рыцарского турнира. Победителем стал Элден Греалор – мелкопомест-

ный обнищавший барон без особой власти. С тех пор они с королем стали лучшими друзьями и верными союзниками.

А Элден Греалор разбогател.

Джунгли Дайновой пущи раскинулись на плодороднейших землях; среди лесов лишь изредка встречались укрепленные селения. Бесчисленные поколения Бершадов почитали лес и никогда не занимались вырубкой. Дайновая пуща оставалась единственным непочатым источником древесины во всей Терре. Как только Элден Греалор заполучил эти владения, то немедленно выстроил десятки лесопилок и начал валить лес. Покамест Греалорам было далеко до богатых и знатных королевских сановников, веками облагавших своих подданных непомерными налогами, но с каждым годом состояние владельцев Дайновой пущи неуклонно увеличивалось. Равно как и число воинов Греалора в медвежьих масках – символе верности роду.

– Изгнанник принял предложение? – спросил Греалор.

– Да, – ответила Эшлин. – Бершад и Роуэн уже на борту корабля.

– Долго же его уговаривали, – хмуро заметил Греалор. – А какие условия он себе вытребовал?

Эшлин с трудом заставила себя скрыть правду от Сайласа, но без зазрений совести солгала отцу и Элдену Греалору:

– Не волнуйся, Элден. Если Бершад вернется, Дайновую пущу у тебя не отберут. Бершад от нее отказался.

– Вот и хорошо, – с облегчением вздохнул Элден. – Надеюсь, Бершад не подведет. Если Йонмар сложит голову на Вепревом хребте, я восприму это как личное оскорбление.

Эшлин пожала плечами:

– Наверняка сложит. И не он один, а все пятеро.

– Эшлин! – укоризненно воскликнул Гертцог.

– Они отправились в горы по моему приказу. Я отдаю себе полный отчет, чем завершится их путешествие, – сказала Эшлин. – И тебе не мешало бы считать, что Сайлас и все остальные не только не проникнут в Бурз-аль-дун, но даже не доберутся до Баларии. – Она до боли вдавила ногти в ладони. – У нас не выйдет уладить все полюбовно. Надо подготовиться к худшему. – Эшлин умолкла, собираясь с духом; она солгала Элдену именно потому, что ей требовалась его помощь. – Если Бершад не выполнит приказа, необходимо собрать в Незатолимой Гавани войска и объявить войну Баларии.

– Объявить войну? – спросил Греалор. – Как это?

– Что именно тебе не ясно?

– Нет, принцесса, ты плохо представляешь себе войну с этими проклятыми часопоклонниками, – мрачно заявил Греалор. – А вот я с ними воевал и отлично знаю, что это такое.

Эшлин хорошо представляла все ужасы войны и понимала, что потомки назовут ее кровавым тираном, однако была согласна на все ради спасения Терры.

– Прекратите! – оборвал их Гертцог. – Разумеется, вызволить Каиру из плена лучше всего силой, но с созывом войск придется подождать.

– Ждать некогда, – возразила Эшлин. – До летнего солнцеворота осталось всего четыре месяца. Если кинем клич сегодня, то еле-еле успеем вовремя.

– А почему такая спешка? – спросил Греалор.

– Если мы не соберем войска к солнцевороту, – объяснила Эшлин, – то все альмирские воины разбредутся по домам, чтобы лепить изваяния для летнего жертвоприношения.

В далеком прошлом летнее жертвоприношение было жестокой и кровавой церемонией; в каждой альмирской деревне совершались ритуальные убийства девственниц, чтобы задобрить и отпугнуть лесных демонов. К счастью, несколько веков назад альмирцы отказались от диких обрядов и вместо этого устраивали оргии в полнолуние и резали жертвенных коз у ног огромных глиняных истуканов, на лепку которых уходили недели.

– Дважды мы войска не соберем, – продолжила Эшлин. – А после летнего жертвоприношения будет слишком поздно. Нет, если идти войной на Баларию, сделать это нужно до летнего солнцеворота.

– Я позвал вас не для этого, – рявкнул Гертцог, с подозрением глядя на дочь. – Дело срочное. Барон Тибольт убит. – Он захлебнулся глубоким, грудным кашлем и отпил глоток вина.

Тибольт, чудаковатый, но глубоко преданный Мальгравам барон, вот уже тридцать лет правил Глиновалом, успешно сдерживая попытки своего западного соседа, барона Седара Уоллеса, поднять мятеж против короля.

– Убит? – переспросила Эшлин. – Но как?

– Зарезан в своих покоях. Два дня назад. Сегодня утром страж привез известие.

Все ошеломленно молчали.

– Кто-то из союзников Уоллеса взял Глиновал в осаду, – напомнил Греалор.

– Да. Барон Хрилиан, – подсказала Эшлин, которая внимательно следила за развитием событий в Глиновале. – Но насколько мне известно, Тибольт разгромил войско Хрилиана.

Мелкие альмирские бароны постоянно враждовали между собой и устраивали набеги на границы соседей. Это было обычным делом. А вот убийство барона – из ряда вон выходящее событие.

– Неужели Хрилиан подослал к Тибольту убийц? – спросил Греалор.

– Возможно, – кивнул Гертцог. – Но Тибольта зарезали в его собственных покоях, на самом верху башни, пока его свита и союзники пировали на нижнем этаже. Скорее всего, Тибольта убил кто-то из своих.

– Как бы там ни было, убийство Тибольта создает большие затруднения, – поразмыслив, сказала Эшлин. – У Тибольта нет родственников, а значит, нет наследника. Его вассалы начнут борьбу за власть, а войско Хрилиана все еще стоит под стенами города.

– Борьба за власть уже идет полным ходом, – сказал Гертцог. – Некий Раймиер, командир гвардейцев, объявил себя временным хозяином Глиновала, не дожидаясь, пока я назначу преемника Тибольта. Однако же именно Раймиер последним виделся с Тибольтом. Наверное, Раймиер и есть убийца.

– А как же Тибольтово воинство?

– Некоторые солдаты встали на сторону Раймиера, но большая часть переметнулась на службу к другим баронам. В общем, все хреново. Этот разброд надо немедленно пресечь, иначе мы потеряем Глиновал. – Король тяжело сглотнул. – Созвать войска в Незатопимую Гавань не получится, потому что я уже отправил пять тысяч своих гвардейцев, чтобы навести порядок в Глиновале.

– Но это же половина нашей армии! – воскликнула Эшлин. – Зачем?

– Другого выхода нет. На утро после убийства Тибольта бойцы Хрилиана окружили Глиновал и пошли в атаку. Похоже, Седар Уоллес пытается завладеть всей провинцией. Он уже безраздельно властвует в долине Горгоны. Я не желаю предоставлять ему возможность завладеть еще и Атласским побережьем.

С тех пор как Эшлин объявили наследницей и допустили к управлению страной, она уяснила, что у короля до смешного мало власти над альмирскими баронами, особенно над Уоллесом. Седар Уоллес облек себя неувядаемой воинской славой во время баларского нашествия: его войско разбило осаду города Гилрой, а сам Уоллес возглавил передовые силы в решающем сражении у Черных Сосен. Вдобавок он с завидной настойчивостью увеличивал свои владения. Чтобы хоть как-то обуздать властолюбивого вассала, Гертцогу приходилось время от времени подстраивать мелкие стычки и набеги на земли Уоллеса, отвлекая его силы на междоусобицу. Это безотказно срабатывало вот уже много лет, но, судя по всему, теперь Седар Уоллес решил взбунтоваться по-настоящему.

Для Эшлин этот бунт пришелся очень не ко времени. Если Бершад не справится с поручением, то для нападения на Баларию потребуются согласные усилия всех альмирских баронов. Вместо этого Альмира стояла на пороге гражданской войны.

– Надо как-то избежать вооруженного столкновения, – вздохнула Эшлин.

– Хрилиан сдаст Глиновал без боя, если поймет, что победы ему не видать. Поэтому я и отправил туда пять тысяч гвардейцев.

Избегнуть насилия под угрозой большего насилия... К сожалению, иного выбора у Эшлин не было. Пока не было.

– Что ж, допустим, это сработает, – сказала она. – И кому достанется Глиновал?

– Элдону, – сказал Гертцог.

– Это великая честь, мой государь, – ответил Греалор.

– Разумеется. И ради этой чести ты сделаешь так, как велит Эшлин. Отправляйся в Заповедный Дол, собирай воинов и приводи отряд в Незатопимую Гавань. Когда мы вернем Каиру, ты получишь Глиновал.

Элден Греалор снова помрачнел, сообразив, что выхода у него нет.

– Будет исполнено, государь.

– Прекрасно. Вот сегодня же и поезжай.

– Непременно, – ответил Греалор, поднимаясь с колен. – Как только я доберусь до Заповедного Дола, то сразу же пошлю отчет о ходе подготовки.

Греалор удалился. Эшлин с Гертцогом долго молчали. Узнав, что король изгнал Бершада, Эшлин поклялась никогда больше не разговаривать с отцом, однако же, когда после смерти двух старших братьев она стала наследницей престола, ей пришлось заключить с Гертцогом своего рода перемирие. Впрочем, отец с дочерью по-прежнему избегали оставаться наедине друг с другом.

– Значит, изгнанник добровольно отказался от Заповедного Дола? – наконец спросил Гертцог.

– Да.

– Врешь, – хмыкнул король. – В последнее время ты слишком много врешь. И про пожар в восточной башне. И про то, зачем отправила изгнанника вызволять Каиру.

– Я тебе всю жизнь вру, – ответила Эшлин. – А ты врешь мне.

Поначалу Гертцог категорически воспротивился предложению дочери послать Бершада на спасение Каиры, но как только Эшлин согласилась назначить ему в спутники Йонмара, то и король, и Элден Греалор поддержали ее замысел. Это было очень странно даже при условии, что Бершад не станет претендовать на Заповедный Дол, поскольку помилованный драконьер немедленно превращался в угрозу. Гертцог с Элденом вынашивали какой-то план, но Эшлин не понимала, что именно они задумали. Более того, любая попытка выведать их намерения могла озлобить короля.

– Зато Элден Греалор останется верным вассалом династии Мальгравов, – проворчал Гертцог.

– Это понятно, – кивнула Эшлин. – Но мне не нравится улещивать таких типов, как он.

– Каких еще таких типов? – переспросил король. – Что ты имеешь в виду?

– Он недалновидный человек. Его заботят только деньги.

– Может, оно и так. – Гертцог сощурил глаза. – Но ты презираешь его не только за это. Ты считаешь личным врагом любого, кто уничтожает природные богатства Альмиры. И всегда так считала. Истинный владыка не должен так жестко стоять на своем.

– Истинный владыка как раз и обязан жестко стоять на своем, блюсти закон и охранять нравственные ценности.

– Очень скоро ты станешь королевой – незамужней дочерью папирейки – в стране тщеславных воителей. Посмотри, что творится в Глиновале! Все альмирские бароны будут тобой

недовольны – втайне или в открытую. Закон и нравственные ценности должны волновать тебя меньше всего.

Эшлин неловко поерзала в тронном кресле. Разговор с отцом перешел на непривычные темы. Обычно Гертцог обсуждал с ней только практические аспекты управления страной: пограничные распри, передвижение войск, заключение договоров и союзов. Философствовать он не любил. Эшлин хотела править Альмирой лучше, чем отец, но сейчас, еще не будучи коронованной, уже вступила на стезю лжи и обмана.

– Надо как-то остановить междоусобицу, – сказала Эшлин. – Сделать так, чтобы баронам можно было доверять без подкупа и без применения силы.

– Я доверял Леону Бершаду, как родному брату, – вздохнул Гертцог. – Сама знаешь, чем это закончилось. Первым делом надо сохранить власть, а уж потом ею пользоваться. Когда я умру, ты все поймешь. Твоя власть всегда будет удерживаться на краю пропасти. Я всю жизнь боролся с баронами за контроль над управлением страной, а сейчас смерть одного-единственного человека повергла Альмиру в хаос. – Он снова зашелся приступом тяжелого кашля. – Альмирских баронов можно подчинить лишь сталью или золотом. Запомни мои слова. Ты для них – не умная и рассудительная королева, а полукровка, которая жаждет лишить их власти и денег.

В юности Эшлин часто спорила с отцом, твердо веря, что люди пойдут на все ради высшего блага, если объяснить им, в чем именно оно заключается. Но теперь ее мнение изменилось, поэтому она и отправила убийц к императору Мерсеру, а не пыталась отговорить его от исполнения своего замысла.

– Возможно, в этом и заключается бремя, возложенное на правителя, – ясно представлять себе высшее благо, даже если подданные не понимают, что это такое, – сказала она.

– Вот, кстати, Элдону Греалору вряд ли достанет ума понять, почему ты хочешь собрать войско до летнего солнцеворота, но я тебя слишком хорошо знаю. Ты приказала изгнаннику убить императора не из-за похищения Каиры. И вообще, вряд ли ты пойдешь войной на Баларию только ради сестры.

– По-твоему, я должна сидеть сложа руки? – спросила Эшлин.

– Нет, конечно. Этот поганый часопоклонник похитил мою младшую дочь! Я и сам бы ему рот ракушкой заткнул, – прохрипел Гертцог. – Я рад, что ты не боишься испачкать руки в крови, но мне нужно знать истинную причину твоих намерений.

Эшлин вынужденно поддерживала дружественные отношения с отцом, но не простила ему изгнание Сайласа и не горела желанием объяснять ему ход своих мыслей.

– Зачем тебе это? Ведь мы оба хотим одного и того же, – холодно сказала она.

– Эшлин!

– Да, отец?

– Я знаю, что ты обо мне думаешь, – сказал Гертцог. – По-твоему, я недалевидный и жестокий тип, погрязший в войне и в фамильных дрязгах, как и все остальные альмирские бароны. Возможно, мир сложнее, чем я его представляю, но поверь мне, он гораздо проще, чем представляешь ты. Когда под стены замка Мальграв придут воины с обнаженными мечами, тебе придется обороняться, иначе королевой тебе не бывать. Запомни мои слова: Альмирой можно править только силой стали и золота.

– Я поняла, отец.

– Нет, пока не поняла, – кашлянул он. – Но скоро поймешь.

На самом верху башни Королевы находились покои со стеклянным куполом, сквозь который виднелось звездное небо. Когда-то здесь была роскошная опочивальня, но мать Эшлин, принцесса Сиру, превратила комнату в обсерваторию. Папирийские названия созвездий Эшлин узнала от матери. Три телескопа, направленные на разные участки неба, она под-

держивала в чистоте и в прекрасном рабочем состоянии, чтобы наблюдать за звездами, забывая обо всем на свете.

В этих покоях Эшлин занималась делами. На большом письменном столе высились стопки договоров, лежали подробные карты провинций и сообщения соглядатаев. К восточной стене Эшлин прищипливала свои недавние рисунки драконов, а в подземных архивах хранились пятьдесят толстых альбомов с набросками. Рисовать драконов с натуры Эшлин начала десятилетней девочкой, не имея никакого понятия о масштабе или о законах перспективы.

Сиру поощряла интерес дочери к драконам и пригласила Гайеллу Стерн, папирийского алхимика, чтобы обучить Эшлин естествознанию и рисованию. Десять счастливых лет Эшлин жадно впитывала знания о растительном и животном мире, особенно о драконах. Как выследить издыхающего дракона, как осторожно к нему подкрасться, как вскрыть его и осмотреть внутренности, прежде чем они начнут разлагаться. В рисовании Эшлин превзошла свою учительницу и начала постигать основы алхимии, но тут Гайеллу выдворили из Незатопимой Гавани.

После смерти Сиру Гертцог изгнал Гайеллу из Альмиры, подозревая, что ей было известно о тайной связи королевы и Леона Бершада. Он дал Гайелле день, чтобы убраться из его владений, и пригрозил заклеймить синими татуировками на щеках, если она когда-нибудь посмеет вернуться. Эшлин не знала, где сейчас алхимик, и очень надеялась, что Гайелле удалось добраться до Папирии.

Весь вечер Эшлин провела за чтением донесений, полученных от соглядатаев с противоположного берега Моря Душ. Балария по-прежнему оставалась непроглядной бездной, откуда не просачивалось никаких новостей, но соседние колонии были менее загадочными. В Галамаре продолжался неурожай. Голодающие покидали свои деревни и скитались в поисках еды. Эшлин много месяцев пыталась выяснить, в чем причина затяжных неурожаев. В долинах крестьяне истребили всех зеленорогов, которые прилетали на поля охотиться на краснохвостых лис. Лисы расплодились и уничтожили поголовье озерных лягушек. В свою очередь, это привело к резкому увеличению числа луговых ос – основной пищи лягушек. Сами по себе осы не служили причиной неурожая, но галамарская пшеница была подвержена спорынье, разносчиками которой были осы – к их лапкам цеплялись споры ядовитого грибка. Спорынья превращала зерно в вязкую жижу, а попадая в пищу, вызывала у людей отравления и трехдневный понос, завершавшийся смертельным исходом.

В провинции Блакмар происходило примерно то же самое из-за красных улиток, но в Галамаре проблема была гораздо масштабнее.

Эшлин потребовались месяцы упорного труда, чтобы отыскать все сложные связи природного комплекса. Из Галамара ей доставили лисий помет, лягушек, пшеничные зерна и живых ос. В теплице Эшлин засеяла делянку пшеницей и неделями наблюдала за осами, выискивая споры грибов на тонких осиных лапках. В конце концов ей удалось выявить все скрытые цепочки, связывающие живые существа в естественной среде обитания.

Когда стало ясно, что причиной голода стало истребление зеленорогов, Эшлин отправила в Галамар почтовых голубей с посланием, в котором подробно разъясняла, чем вызван неурожай, и настоятельно просила оставить драконов в покое. Галамарские власти ответили письмом, полным дурацких вопросов и оскорбительных замечаний. Истребление зеленорогов именовали победой над драконами и утверждали, что ящеры не имеют никакого отношения к ядовитому грибку. Галамарцы обвинили альмирскую принцессу во вмешательстве в чужие дела, а вдобавок прозвали Безумной Королевой Ос. Впрочем, жители Незатопимой Гавани наверняка тоже придумали ей обидные прозвища, видя, как она трудится на крошечной пшеничной ниве и наблюдает за осами.

Эшлин не обращала на все это никакого внимания. Пусть дразнят, как хотят. Затяжной неурожай грозил уничтожить все население Галамара, и то же самое может случиться в Аль-

мире, если император Мерсер приведет свой план в исполнение. Слухи и сплетни ничего не значат, если удастся остановить катастрофу.

Эшлин развернула карту с обозначением всех государств на побережье Моря Душ и стала прокладывать на ней курс Великого перелета. Отслеживая передвижение драконов, она чувствовала себя ближе к ним. Шипогорлые вердены начали перелет; первыми в путь отправились молодые особи. Одного убил Сайлас, но верденов уже видели по всему восточному побережью Альмиры. Эшлин смотрела на карту, размышляла о том, что поставлено на кон, и чувствовала себя наивной дурочкой, которая возложила все надежды на пятерых человек и осла.

Завтра она попытается убедить отца отозвать гвардейцев из Глиновала. Чем скорее войска соберутся в Незатописимой Гавани, тем лучше.

Дождавшись, когда все в замке уснут – все, кроме Хайден, которая охраняла дверь в покои принцессы, – Эшлин прошла в дальний конец комнаты. Там стоял стол с алхимическими приборами и ингредиентами. Стеклянные колбы. Медный перегонный куб. Стальные зажимы. Иглы из бамбука. Горелка с драконьим маслом, пламя которой регулировалось специальным рычажком. Эшлин всю жизнь занималась изучением драконов. Измеряла их трупы. Взвешивала внутренние органы. Исследовала анатомическое строение различных видов. Из-за этих занятий возникли слухи о ее колдовстве. Кабинет в восточной башне был гораздо больше, но его уничтожило взрывом, поэтому сейчас приходилось довольствоваться скудными запасами, хранившимися в обсерватории. Эшлин прекрасно сознавала, как важны ее занятия, и не собиралась останавливаться на достигнутом из-за недостатка инструментов и материалов.

Она сняла с запястья полупрозрачную нить, аккуратно растянула ее на столе. Даже не верилось, что эта тоненькая нить стала причиной разрушения восточной башни. В прошлом году, препарировав столетнюю женскую особь призрачного мотылька, Эшлин обнаружила в ее позвоночнике длинное нервное волокно, усеянное шипами.

На ощупь витое волокно напоминало нити паутины, но было гораздо толще, поэтому Эшлин решила назвать его драконьей нитью.

За время своих исследований Эшлин препарировала двести одиннадцать драконов, включая пятнадцать призрачных мотыльков, но лишь в одном обнаружила загадочное волокно. Очевидно, оно было частью скрытого физиологического комплекса, совмещавшего биологические характеристики с элементарными силами, но его назначение покамест оставалось загадкой. Эшлин долго размышляла над словами отца о том, что Альмирой можно управлять только силой стали и золота. Наверное, для него это было истиной. Но Гертцог Мальграв всегда полагался только на войска и повинование баронов.

Если Эшлин поймет, как пользоваться драконьей нитью, то вполне обойдется и без всего этого.

Она вздохнула. Сердце забилось чаще. Она всегда волновалась, пытаясь раскрыть секреты драконьей нити, особенно теперь, после пожара в восточной башне. На ладонях выступил липкий пот. Во рту пересохло. Эшлин сжала нить в кулаке и приготовилась резко потянуть ее, но тут в дверь решительно постучали.

– Принцесса Эшлин, – раздался голос Хайден. – К вам кастелян с важной вестью.

– Пусть подождет! – раздраженно откликнулась Эшлин, наматывая драконью нить на запястье и прикрывая ее рукавом; о существовании нити не знала даже Хайден.

Она открыла дверь, взглянула на кастеляна и похолодела. Заплаканные глаза, опухшее от слез лицо.

– Принцесса, – сказал он, – король умер.

8 Гаррет

Альмира, к югу от Глиновала

Гаррет истекал кровью в чаще. Ему удалось сбежать от злобного ящера, но обломок драконьего клыка глубоко застрял в мышцах предплечья. Это было весьма некстати. Целый час Гаррет безуспешно (и весьма болезненно) пытался извлечь обломок, но медлить было нельзя. Кто-нибудь в Глиновале сообразит отправить погоню, и ищейки, чую кровь, с легкостью отыщут беглеца.

Весь день Гаррет брел по руслу мелкого и не очень быстрого ручья, держась по колено в воде, чтобы замести следы и скрыть запах. Каждые четверть часа он останавливался и напряженно прислушивался, нет ли за ним погони и не появится ли еще какой-нибудь дракон, но пока все было тихо.

Непредвиденное приключение наверняка приведет к очередной задержке. Конечно же, глупо и неосмотрительно подставляться под укус дракона. В деле подобные промахи грозили смертью, поэтому Гаррет всегда заботился о мелочах. Исполнение задания целиком и полностью зависело от тщательно продуманных замыслов и четких, решительных действий.

Убедившись, что его никто не преследует, Гаррет пересек дубовый дол и вышел к тракту на юг. Он держался обочины, прячась в зарослях всякий раз, как замечал встречного путника. К сумеркам он добрался до развилки – одна дорога уходила на юго-запад, к Заповедному Долу, другая – на восток, к Незатолимой Гавани. Вот оно, назначенное место. Дождавшись темноты, Гаррет вышел из укрытия и нашел пень в семи шагах к югу от развилки. В кору была воткнута булавка с красной головкой, а в щели под ней прятался клочок бумаги, свернутый трубочкой. На бумаге затейливым почерком было написано «Заповедный Дол».

Четыре дня Гаррет шел на юг – ночью по тракту, днем по лесу. Спал урывками, по несколько часов в светлое время суток. Мшистая земля вязко подавалась под ногами, во влажном воздухе роилась мошкара. Черепахи, взобравшись на речные валуны, подставляли красно-оранжевые головы лучам солнца. В прудах и озерах плескались разноцветные рыбины. Если в небе пролетала птица или проплывало облако, Гаррет напрягался, ожидая нападения дракона.

Его беспокоила укушенная левая рука. Он так и не смог извлечь застрявший в ней клык, и, хотя промыл рану и раз в день менял повязку, боль становилась все сильнее. В сыром тепле открытые раны вообще быстро воспалялись, а после того, как он переберется через Горгону и попадет в дайновые чащобы, влажность и зной усилятся.

К пятому дню кончик клыка, торчавший из раны, позеленел. От раны тянуло скисшим молоком. Если не извлечь клык, то дело примет серьезный оборот. Свернув в лес, к ручейку среди густых кустов, Гаррет уселся на прогретый солнцем камень, швырнул котомку на землю и начал снимать рубашку. Он быстро высвободил из рукава правую руку, а с левой обращался

осторожно, как со спящим младенцем. Прикосновение ткани к ране вызывало резкую боль, поэтому Гаррет охотничьим ножом распорол рукав, а заодно и окровавленную повязку.

По берегам ручья рос мох. Гаррет нарезал его пластами и разложил на валуне, чтобы использовать как тампон для раны, после того как извлечет клык; потом выбрал местечко поглубже и сунул раненую руку под воду, надеясь, что холод послужит хоть каким-то обезболивающим.

– Тампон из этого мха тебя наверняка убьет, – прозвучало за спиной.

Гаррет замер – нож лежал в пяти шагах от него, на валуне, – а затем осторожно обернулся. На берегу ручья сидел мальчишка лет пятнадцати, тощий, в замызганном сером балахоне и с туго набитой сумой на плече. Безоружный. Гаррет решил, что пока не станет его убивать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.